Н.КРОНОЦКАЯ
СОЛНЕЧНЫЙ
ВЕТЕР

Нани Кроноцкая

Солнечный ветер

«Автор»
2024

Кроноцкая Н.

Солнечный ветер / Н. Кроноцкая — «Автор», 2024

Имперский инспектор первого ранга Аверин выполняет миссию своей давней мечты. В составе команды лично нанятых головорезов и социопатов он инспектирует полузабытые колонии на самых дальних задворках галактики. И все было неплохо, но... После скоропостижной женитьбы его жизнь круто меняется. Аларм! Женщина на корабле во все времена создавала проблемы. А уж любимая женщина капитана... Держитесь колонии, полет "Совы" продолжается!Цикл "Солнечные лица", книга вторая.

© Кроноцкая Н., 2024
© Автор, 2024

Содержание

1. Солнце мое 5
2. Ветер 8
3. Выбор 12
4. Занимательная космография 16
5. Просто сны 19
6… И бабочки 22
7. Завтрак 26
8. Шахматы 29
9. Шахи и маты 33
10. Тайны прайда Рейн 36
11. И вся королевская рать 39
12. Понимание 42
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Нани Кроноцкая
Солнечный ветер

1. Солнце мое

Сова. Имперский фрегат 27-313, класса Angelus-Iustitia Inspector Victoriam. Периферия двойной звездной системы Кеплер 47

– Отказы от еды, общее угнетенное состояние, гормонально-стабильна. Общие физиологические показатели в норме. Паразит прогрессирует. – Ойли произнес эту фразу тоном официального обвинителя. – Мак, она снова дурит. И похоже – морочит нам голову. Я подготовил инъекцию…

– Нет! – он не стал даже дослушивать. – Оль, иногда прежде чем тыкать в человека разумного всякую пакость, можно просто поговорить.

– Ты снова ее покрываешь, Аверин! Не узнаю тебя, капитан. Разуй глаза, где трезвый взгляд на очевидные вещи? Или ты тоже повелся на ее кукольное личико и эти притворные слезы? – доктор вдруг взвился. – О чем мне вообще с ней разговаривать? Предлагаешь беседовать по душам со всеми больными и тяжело раненными? – В бессознанке особенно хороши собеседники. А уж трупы…

– Не ерничай, – Марк его холодно осадил. – Только что сам докладывал: показатели в норме. Или лечим теперь несговорчивость? Тебя снова заносит. Приказываю предоставить мне полный отчет показателей Нэрис. Вместе с картой твоих назначений и выпиской о всех проведенных за последние пять дней лечебных манипуляциях. Всё, ты свободен.

– Ты ни разу подобного не запрашивал! – Олейл в ответ уже просто шипел. – С чего вдруг подобная избирательность?

– Эта женщина – моя жена! Я несу за нее личную, персональную ответственность. – терпение командира «Совы» стремительно истощалось. – В последний раз я тебе объясняю столь очевидные вещи. Исключительно по старой дружбе.

Их взгляды схлестнулись. И доктор глаза опустил.

Аверин же молча развернулся и вышел. Уже у входа в капитанские апартаменты он притормозил резко и выдохнул. Она все почувствует, нельзя к ней заходить таким взвинченным и злым. Воспоминания вдруг нахлынули бурным потоком. Юность, Земля, Академия. Когда Ойле стал отдаляться? Почему так разительно изменился? Где она, та черта, что друзей разделила? Макар знал ответ на все эти вопросы. И малодушно отгонял от себя саму мысль и возможность признать очевидное…

Потом, все потом. Она ведь опять не поела, а в этом тоненьком теле осталось сил не так уж и много… Тоненькая тропинка их с ней отношений, пробитая в зарослях расовых и культурных отличий, легко зарастала свежей порослью одиночества. Он кожей чувствовал, как они снова стремительно отдаляются. И ничего не мог с этим сделать.

Над ухом Аверина омерзительно завибрировал сигнал персональной связи. Вдох. Выдох. Нельзя выливать ей на голову и накопившуюся усталость и злость. Макар все эти дни пытался ее избегать. Слишком много проблем на него навалилось, она захлебнется....

***

– Нэрис, ну что у нас снова? – голос его был полон нервного раздражения.

– Зайди ко мне ровно на десять минут, – мне очень сложно было просить его о таком одолжении.

Тем более, – помня, что эту нехитрую просьбу может услышать весь экипаж. Противно и страшно.

Инспектор же не ответил и связь отключилась. Я заметалась по каюте. А если он все же придет? Как доказать ему свои страхи? Для него я – простая дикарка, ненужное приобретение, о котором наверняка инспектор жалел уже неоднократно. Но… никто его не заставлял давать клятву заботиться обо мне перед лицом камня предков. И вступать в круг отбора.

– У меня мало времени! – усталый голос внезапно прозвучал прямо за спиной. Я вздрогнула, не удержав равновесия и попыталась упасть. Тихо ругнувшись, Макар поймал мое неуклюжее тело, тронул рукой стенную панель и усадил аккуратно на тут же вытянувшуюся кровать.

Выглядело со стороны это все наверняка безобразно.

Как будто его соблазняют. У меня закружилась мучительно голова. Пришлось закрыть глаза и сделать пару глубоких вдохов.

Аверин молчал, наблюдая. Конечно же, он мысленно он меня проклинал.

– Хат инспектор… – заставила себя заговорить, наконец, но была прервана раздраженным:

– Макар. Мак, Кар, Макарий, – как хочешь зови, я устал напоминать тебе свое имя.

– Рик, – ляпнула первую же ассоциацию с ним.

Инспектор криво в ответ усмехнулся.

– Ты же не за этим звала меня, я надеюсь? – очень холодно прозвучало.

– Нет, инспект… – он взглядом остановил меня. – Рик. Я прошу тебя не допускать ко мне больше вашего лекаря.

Инспектор удивился. Настолько, что на секунду задумавшись, вернулся ко входу в каюту и дверь за собой очень плотно закрыл, включив всю защиту и все блокировки. Я молча за ним наблюдала. Он что, мне поверил?

– Ойле, – наш врач, – произнес таким тоном, каким разговаривать впору с душевнобольными. – Твое состояние сейчас трудно назвать даже стабильным. Я помочь тебе не смогу.

Не поверил, конечно. Что ему глупая и капризничающая дикарка? Эти люди считают себя чуть ли не богами. А я… так. Глупое приключение.

Сама не заметила, как отчего-то заплакала. Мерзкие слезы! Не хватало еще мне увидеть на лице капитана брезгливое выражение. Или еще того хуже – высокомерную жалость, как у отца.

Но Макар удивил.

Подошел, вытер пальцами слезы, и перехватив мою руку сжал в ладонях холодные пальцы. Очень нежно потер их, согревая горячим дыханием.

– Рассказывай, все подробно и не опуская детали, – он был очень близко, присел рядом на корточки и очень серьезно вглядывался в мое лицо. – Даже если тебе это кажется глупым.

– Он трогал меня, – начала было тихо, но увидев поджатые губы инспектора, поспешно добавила: – не как лекарь, как… мужчина.

Аверин нахмурился. Потом прижал палец к виску, дождался тихого зуммера сигнала вызова личной связи (она его уже отличала) и тихо проговорил:

– Игорешик, мне выдай-ка запись утреннего медицинского осмотра Нэрис. Я знаю, что у тебя его нет и быть даже не может, но с меня одно желание. Только не эротическое. Выдай мне все прямо в ее каюту, на визор.

Уже спустя десять секунд я с нарастающим ужасом поняла, что все это время за мной наблюдали и кадры эти совершенно бесстыдно записывали.

Мучительно покраснев, лицо спрятала снова в ладони, вырвав руку у капитана.

Какой стыд! Экраном каютного визора служила стена над кроватью и на разворачивающихся там кадрах я выходила из душа совсем обнаженная, даже без полотенца!

Так и застыла, дрожа от нахлынувшего смущения, краем уха слушая звуки видеозаписи. Капитан тоже молчал напряженно, некоторые кадры он пересмотрел раза два или три. Потом снова связался с таинственным Игорешиком.

– Из хранилища запись изъять, перекинуть ко мне, на закрытые диски. Ойле допуск в каюту Нэрис закрыть до моего особого распоряжения. Выполнять.

– Кэп… а желание? – пробормотал мужской голос.

– Пожелай, чтобы я прямо сейчас никого не убил. Постарайся быть убедительным! – инспектор так рявкнул, что я на кровати подпрыгнула. – Выполнять.

И замолчал. Прошла минута, другая. Напряжение нарастало, сгущалось, закручивалось тугими спиралями в воздухе. Что он теперь сделает? Вдруг сочтет меня падшей женщиной, совратившей его экипаж? От меня снова одни неприятности.

Громкий вздох, и его мужские горячие руки оторвали ладони от моего красного лица.

– Я не знаю, что говорить в таких случаях, – прозвучало тихое неожиданно. – И понятия не имею, что делать с тобой.

Я так и знала. Попыталась вырвать из его рук – не получилось. Рванулась с кровати, – поймал.

– Зато я понимаю этого гада, – лицо Макара стремительно приближалось, закрывая собой очертания комнаты. – И знаю, что делать с собой.

Горячие губы накрыли мне рот, перекрывая возможности возразить. Темные глаза капитана стали похожи на бездну, в которой я безнадежно тонула. Жадное прикосновение, оно будто жалило, но к своему величайшему ужасу я вырываться не стала. Не захотелось.

В такие моменты сознание лишь мешает. У меня был единственный шанс узнать его самую откровенную правду, ясно прочесть его чувства и мысли. Ощутить капитана Аверина. И я его не упустила.

Одно неуловимое движение моих губ в ответ и он замер, как будто не веря. Все вдруг изменилось. Твердые мужские губы дарили мне мягкую нежность. Он надеялся, он боялся поверить себе. Опасался терять и любить. Мучительно боялся предательства, словно прося меня снова и снова: «Только не предавай меня!» Большое, светлое, глубоко раненное сердце мужественного и сильного человека. Очень красивое, сильное, яркое как звезда.

Мы целовались неторопливо и чувственно, рассказывая друг другу свои грустные истории. Смог ли он услышать меня? Я очень надеялась. Но теперь уже поздно. Солгать я ему никогда больше не смогу, не сумею, скорее умру.

Сознание ускользало, тоненькой струйкой сливаясь в огромную реку грядущего чувства. Не утонуть бы в нем, не захлебнуться.

– Нэрис! – сквозь пелену я услышала его очень встревоженное и улыбнулась. – Солнце! – он уже просто кричал.

– Не зови его, – прошептала из последних сил. – Я скоро вернусь, обними меня крепко.

И отключилась. Вот и мне и дали новое имя.

2. Ветер

Сова. Имперский фрегат 27-313, класса Angelus-Iustitia Inspector Victoriam. Периферия двойной звездной системы Кеплер 47

Вот знал капитан, спинным мозгом он чувствовал – не будет добра от идеи оставить лиглянку в покое. Не работает логика с женщинами, особенно с молодыми, красивыми и… вообще не работает.

Вроде бы и все правильно: судя по крупинкам той информации, что успел он собрать о загадочном культе лиглян, Нэрис сейчас проходила болезненную стадию физических изменений. Отсюда и обмороки и все остальное. Предписан покой и положительные эмоции.

И где же их взять?!

Когда все идет не по плану, когда виталитовая руда в качестве топлива оказалась весьма далека от проектных возможностей корабля. Когда уже пребывая в точку выхода в зону большого прыжка они обнаружили, что к нему не готовы. Химик Родик в дуэте с их энергетиком Хичем не спали уже трое суток, пытаясь решить нерешаемую задачу. А когда спал Аверин? Судя по ощущениям – никогда. Лошадиные дозы энергетиков, и ругающийся на всех доступных воображению медика языках этой галактики Ойле накачивал командира коктейлями поддерживающими и обезболивающими.

И капал на мозг.

Ситуацию облегчить могло отключение контура гравитации корабля, но Макар даже представить не мог себе хрупкую Нэрис повисшую между полом каюты и потолком. Это их тренируют годами, а что делать ей? И приказа не отдавал. Хотя все понимали, в чем дело и выразительно в спину молчали.

Она – его слабость. Та самая, что не может позволить себе капитан и инспектор Аверин. Он сам все решит, он справится с ситуацией. Его много лет обучали подобному. Будет трудно, он справится. Но…

Прости, солнышко, придется побыть тебе как-то одной.

Каждое утро он приносил ей цветок, под дружеским, всепонимающим взглядом Гесса похищая его из дендрария. У него было ровно пятнадцать минут на отдых во время смены вахт, и тратил их капитан совершенно бездарно. Он как мальчишка сбегал, отключив все датчики наблюдения, бесшумно проскальзывая в дверь ее каюты, водружал свой трофей в специальный сосуд, садился рядом на стол и тихонечко любовался своей спящей почти-что-женой.

Прости, милая, он может быть рядом только лишь эти минуты.

Именно так и живут капитаны. И подглядывать втихаря за неспешной жизнью в семейных апартаментах Авериных он тоже украдкой себе позволял. В тайне от всех.

И что с этим со всем теперь делать?

Он – убогий осел, допустивший подобную ситуацию. Когда для всего экипажа (кроме Гесса, конечно) появление никому не знакомой, но уже неприятной “девицы” стало проблемой. И причины он не понимал. Еще доктор, прессующий издевательскими докладными о состоянии “этой лиглянки” и настаивающий на принудительном погружении ее в стазис. За одну только эту идею Аверин готов был свернуть ему шею.

Прости, дорогая, что втянул тебя в этот космический ад.

Он осторожно погладил шершавый затылок мирно свернувшейся калачиком у него на коленях жены и вздохнул.

Тихо прошелестел личный вызов от Гесса. Отвечать не хотелось, но капитан знал, – это срочно. Сегодня вообще нет и не может быть пустых сообщений.

– Как она? – первый тихий вопрос и Макар ощутил укол ревности. И сразу же следом печальное: – Срезонировала…

– Боюсь, что да, – вынужден был он признать. – Отключилась, но сейчас уже спит. Что там у нас по отсекам?

– Выпускай ее, Мак, – проигнорировав прямой вопрос, Гесс явил просто неслыханную для себя прямолинейность. – Боюсь, что иначе никак не решить эту проблему. Трезво подумай: даже если мы выйдем в прыжок на ближайшую станцию, от нее до системы Шедара лететь своим ходом декаду. Это минимум.

– Скажи… – стараясь говорить как можно тише и ругая себя за брошенный на столе видер прошептал капитан, – ты ведь знаешь, кто воду мутит?

– Ты и сам это знаешь, – тихо фыркнул в ответ ему Гесс. – И выпустил его из-под ареста. Освободи ее. Она справится, я помогу.

Не мог капитан оставлять экипаж без врача. Его собственное состояние тоже оставляло желать… Да и Нэрис тревожила, а еще пассажиры. Пришлось выбирать. И он сам не рад этому выбору.

Она вздрогнула отчего-то во сне и к нему еще крепче прижалась.

– Хорошо, – пришлось согласиться с разумными доводами, хотя видит Создатель, Аверину не хотелось. – Но как? – и тут же поправился: – только после прыжка, разумеется.

– Есть процедура представления экипажу нового члена, – словно ребенку биолог тихонечко подсказал.

– Да, – перевел взгляд на девушку и головой покачал сомневаясь. – Точно. Она же штатный клинический психотерапевт. Шервова ересь какая-то.

– Стэм ждет на мостике, капитан, – тихо напомнил Гесс. – Сколько таких ситуаций у нас уже было, а ты впервые растерян.

– Я впервые женат, – отмахнулся Аверин. – Пока лишь на бумаге.

Гесс ничего не ответил, сигнал отключился.

Все правильно он говорил, и возразить ему нечего. Опытный муж. Малышка вполне убедительно справилась со своей ролью наследницы в круге отбора, и вообще все это время держалась достойно. Откуда сомнения у него самого?

– Солнышко, слышишь меня? – поцелуй нежный в висок. Она вздрогнула снова и резко открыла глаза.

– Что случилось? – тревожно спросила.

– Мне нужно идти, – он старался не злиться, вспоминая о том, что сюда его привело. Получалось не очень. – Я… мне надо было найти пять минут и тебе написать пару слов, прости.

– Ты не ответил, – темные глаза смотрели требовательно.

– Долго рассказывать… – он вздохнул, помогая ей встать, – если в двух словах, то… паршиво все.

– Ты ужасно уставший, – протерла глаза, потянулась.

– Мы пробуем выйти в прыжок, будь готова. Если вдруг выключится гравитация, не пугайся и…

– Нас учили, – улыбнулась все еще сонно моргая глазами. Гесс прав, зря капитан все это время пытался оградить девушку от проблем в их реальности.

– После прыжка я представлю тебя экипажу. Только… – он снова замялся рассматривая ее, и ребром ладони осторожно провел по девичьей щеке.

– Вряд ли все они рады таким переменам, – она вдруг прижалась скулой к его ладони, прикрыла глаза, наслаждаясь этой нехитрой лаской. – Иди. Рик, я выросла среди мальчишек, я справлюсь.

Макар встал, с явной неохотой отрывая ладонь от лица девушки, улыбнулся устало.

– Рик… на земном языке это значит: богатый. Но мне нравится больше перевод с глизеанского: Ветер.

– Можно мне вызывать тебя, если очень понадобится? – она спросила смутившись. – Как сегодня.

– Да, в таком случае так и обращайся, пусть это будет для меня сигналом, что все серьезно, договорились?

Аверин мягко отступал к ее двери, не разворачиваясь спиной, словно ловя последние секунды прикосновения взглядов. Он действительно выглядел плохо: похудел еще больше, под глазами залегли черные тени, и светло-серая форма лишь подчеркивала серый цвет лица. Ему бы поспать, да поесть. А он тут. И никуда не желает идти. Сделав усилие над собой, прикоснулся спиной к двери, и открыв ее, вышел.

Нэрис осталась, задумчиво рассматривая очередной свой цветок. Они занимали уже целую полку в библиотеке, настоящий малюсенький сад. Сначала ей показалось, что растения срезаны и их было жалко. Потом, потянувшись к ним мысленно, Нэрис остро почувствовала: – растения живы и отлично чувствуют себя в прозрачных стеклянных цилиндрах.

Нужно будет расспросить о них у хозяина биостанции и лучшего друга Аверина. И вообще обо всем расспросить. Притянув колени к груди, Нэрис стала себе представлять сцены грядущего знакомства с экипажем Совы. Они все ей казались людьми безусловно-прекрасными, умными, сильными. Аверин ведь сам собирал экипаж? Значит, по-другому и быть не могло. Только с врачом он ошибся…

С самой первой минуты знакомства этот… как его? Я снова умудрилась забыть имя нового врага. Меня он возненавидел. За что? Впервые в своей жизни я видела человека смотрящего на меня так брезгливо. Его от меня откровенно тошнило. Да, я не красавица, моя внешность далека от шаблонов безупречной человеческой красоты тех же голодианок. Пусть будет док. Так его Рик называет.

Аверин сегодня получил от меня свое новое имя. Сразу вспомнила старую сказку о волшебных существах, имеющих крылья и кучу невероятных способностей – грильфах. После свадьбы они давали друг другу новые имена. Легенда гласила, что грильфы были первыми жителями Лиглы и вымерли все. А может, они стали бабочками. Рик мне сказал, что с бабочками все в порядке, осваивают биостанцию и очень довольны. И он не обманывает. Мысли, мысли, они сами порхали как бабочки. Хорошо.

Этот мужчина в который раз умудрялся одним лишь своим присутствием решать все мои запутанные проблемы.

Когда его не было рядом все становилось так сложно… И доктор. От одного воспоминания о нем я содрогнулась. Опять.

Его слова резали душу. О том, что я никому не нужна. О том, что Аверин не зря до сих пор не женат и у него в каждом порту метрополии есть такая “невеста”. Я чувствовала – это ложь. Но слова разъедали мне душу. И не слышать их я не могла. Хорошо, если Рик прослушает аудиозапись моих “медицинских осмотров”, ему будет полезно. Хотя, боюсь, он доктора тогда просто убьет.

Поцелуй.

Я потрогала пальцами губы. Казалось, все еще сохранившие запах и вкус его губ. Третий поцелуй в моей жизни. Три разных мужчины и три разных истории. Райана я целовала сама, прося его хотя бы о маленькой дозе надежды. Он тогда не ответил. Поцелуй – острое разочарование. Диль на отборе поступил точно так же. Я оттолкнула его и две эти истории стали горькими и неприятными.

А теперь этот. В очередной раз ставший жестом доверия и откровением. И впервые в своей взрослой жизни я осознанно приняла его, открылась в ответ. Да я ведь развра-

ница…Улыбнулась мечтательно. Всего пара часов между пропастью черного отчаянья и теперешним ожиданием чуда. Он действительно Ветер. Подул и исчезли все тени кошмаров, и придуманных бед.

Куда унесет меня Ветер Аверин? Станет ли для меня борт “Совы” новым домом? Напрасно мой капитан за меня опасался, образование Красного круга не зря считалось одним из самых лучших в метрополии. Выживать нас тоже учили. А жизнь в замкнутом пространстве фрегата ничуть не хуже существования в стенах монастыря.

Вспомнив, что видела в библиотеке бумажную книгу с интересным названием: “Практическая психология экстремальных ситуаций”, прихватила с собой новый подарок Аверина и направилась в библиотеку. Мой собственный храм.

Проходя мимо двери выхода из капитанских апартаментов услышала шум. Замерла. Кто-то явно пытался открыть эту дверь, и вовсе не простым касанием зоны идентификации.

– Петрович… – за все время, прошедшее после отвратительной истории с душем в первый же день моего пребывания на фрегате, я ни разу не обращалась к ИскИну. Но Аверина дёргать опять было совестно.

– Светлых мыслей, психолог Аверина – мгновенно отозвался дух корабля. Или его разум, я еще не поняла. – Я слушаю, только быстро.

– Кто-то пытается взломать вход в наш сектор. Капитан час назад изменил коды входа и заблокировал вход.

– Понял.

Секунду спустя за дверью раздалось странное жужжание, треск каких-то разрядов, звук борьбы и все затихло.

Слушая напряженно я присела на приступок того, что должно быть бассейном и затаила дыхание.

– Все в порядке, больше подобное не повториться. – отрапортовал браво Петрович. Еще пожелания?

– Доложить о произошедшем капитану!

Я уже догадалась о том, что тут произошло и скорей разозлилась, чем испугалась.

– С первой секунды вашего сообщения.

3. Выбор

Сова. Имперский фрегат 27-313, класса Angelus-Iustitia Inspector Victoriam. Периферия двойной звездной системы Кеплер 47

Вот знал капитан, спинным мозгом он чувствовал – не будет добра от идеи оставить лиглянку в покое. Не работает логика с женщинами, особенно с молодыми, красивыми и… вообще не работает.

Вроде бы и все правильно: судя по крупинкам той информации, что успел он собрать о загадочном культе лиглян, Нэрис сейчас проходила болезненную стадию физических изменений. Отсюда и обмороки и все остальное. Предписан покой и положительные эмоции.

И где же их взять?!

Когда все идет не по плану, когда виталитовая руда в качестве топлива оказалась весьма далека от проектных возможностей корабля. Когда уже пребывая в точку выхода в зону большого прыжка они обнаружили, что к нему не готовы. Химик Родик в дуэте с их энергетиком Хичем не спали уже трое суток, пытаясь решить нерешаемую задачу. А когда спал Аверин? Судя по ощущениям – никогда. Лошадиные дозы энергетиков, и ругающийся на всех доступных воображению медика языках этой галактики Ойле накачивал командира коктейлями поддерживающими и обезболивающими.

И капал на мозг.

Ситуацию облегчить могло отключение контура гравитации корабля, но Макар даже представить не мог себе хрупкую Нэрис повисшую между полом каюты и потолком. Это их тренируют годами, а что делать ей? И приказа не отдавал. Хотя все понимали, в чем дело и выразительно в спину молчали.

Она – его слабость. Та самая, что не может позволить себе капитан и инспектор Аверин. Он сам все решит, он справится с ситуацией. Его много лет обучали подобному. Будет трудно, он справится. Но…

Прости, солнышко, придется побыть тебе как-то одной.

Каждое утро он приносил ей цветок, под дружеским, всепонимающим взглядом Гесса похищая его из дендрария. У него было ровно пятнадцать минут на отдых во время смены вахт, и тратил их капитан совершенно бездарно. Он как мальчишка сбегал, отключив все датчики наблюдения, бесшумно проскальзывая в дверь ее каюты, водружал свой трофей в специальный сосуд, садился рядом на стол и тихонечко любовался своей спящей почти-что-женой.

Прости, милая, он может быть рядом только лишь эти минуты.

Именно так и живут капитаны. И подглядывать втихаря за неспешной жизнью в семейных апартаментах Авериных он тоже украдкой себе позволял. В тайне от всех.

И что с этим со всем теперь делать?

Он – убогий осел, допустивший подобную ситуацию. Когда для всего экипажа (кроме Гесса, конечно) появление никому не знакомой, но уже неприятной «девицы» стало проблемой. И причины он не понимал. Еще доктор, прессующий издевательскими докладными о состоянии «этой лиглянки» и настаивающий на принудительном погружении ее в стазис. За одну только эту идею Аверин готов был свернуть ему шею.

Прости, дорогая, что втянул тебя в этот космический ад.

Он осторожно погладил шершавый затылок мирно свернувшейся калачиком у него на коленях жены и вздохнул.

Тихо прошелестел личный вызов от Гесса. Отвечать не хотелось, но капитан знал, – это срочно. Сегодня вообще нет и не может быть пустых сообщений.

– Как она? – первый тихий вопрос и Макар ощутил укол ревности. И сразу же следом печальное: – Срезонировала…

– Боюсь, что да, – вынужден был он признать. – Отключилась, но сейчас уже спит. Что там у нас по отсекам?

– Выпускай ее, Мак, – проигнорировав прямой вопрос, Гесс явил просто неслыханную для себя прямолинейность. – Боюсь, что иначе никак не решить эту проблему. Трезво подумай: даже если мы выйдем в прыжок на ближайшую станцию, от нее до системы Шедара лететь своим ходом декаду. Это минимум.

– Скажи… – стараясь говорить как можно тише и ругая себя за брошенный на столе видер прошептал капитан, – ты ведь знаешь, кто воду мутит?

– Ты и сам это знаешь, – тихо фыркнул в ответ ему Гесс. – И выпустил его из-под ареста. Освободи ее. Она справится, я помогу.

Не мог капитан оставлять экипаж без врача. Его собственное состояние тоже оставляло желать… Да и Нэрис тревожила, а еще пассажиры. Пришлось выбирать. И он сам не рад этому выбору.

Она вздрогнула отчего-то во сне и к нему еще крепче прижалась.

– Хорошо, – пришлось согласиться с разумными доводами, хотя видит Создатель, Аверину не хотелось. – Но как? – и тут же поправился: – только после прыжка, разумеется.

– Есть процедура представления экипажу нового члена, – словно ребенку биолог тихонечко подсказал.

– Да, – перевел взгляд на девушку и головой покачал сомневаясь. – Точно. Она же штатный клинический психотерапевт. Шервова ересь какая-то.

– Стэм ждет на мостике, капитан, – тихо напомнил Гесс. – Сколько таких ситуаций у нас уже было, а ты впервые растерян.

– Я впервые женат, – отмахнулся Аверин. – Пока лишь на бумаге.

Гесс ничего не ответил, сигнал отключился.

Все правильно он говорил, и возразить ему нечего. Опытный муж. Малышка вполне убедительно справилась со своей ролью наследницы в круге отбора, и вообще все это время держалась достойно. Откуда сомнения у него самого?

– Солнышко, слышишь меня? – поцелуй нежный в висок. Она вздрогнула снова и резко открыла глаза.

– Что случилось? – тревожно спросила.

– Мне нужно идти, – он старался не злиться, вспоминая о том, что сюда его привело. Получалось не очень. – Я… мне надо было найти пять минут и тебе написать пару слов, прости.

– Ты не ответил, – темные глаза смотрели требовательно.

– Долго рассказывать… – он вздохнул, помогая ей встать, – если в двух словах, то… паршиво все.

– Ты ужасно уставший, – протерла глаза, потянулась.

– Мы пробуем выйти в прыжок, будь готова. Если вдруг выключится гравитация, не пугайся и…

– Нас учили, – улыбнулась все еще сонно моргая глазами. Гесс прав, зря капитан все это время пытался оградить девушку от проблем в их реальности.

– После прыжка я представлю тебя экипажу. Только… – он снова замялся рассматривая ее, и ребром ладони осторожно провел по девичьей щеке.

– Вряд ли все они рады таким переменам, – она вдруг прижалась скулой к его ладони, прикрыла глаза, наслаждаясь этой нехитрой лаской. – Иди. Рик, я выросла среди мальчишек, я справлюсь.

Макар встал, с явной неохотой отрывая ладонь от лица девушки, улыбнулся устало.

– Рик… на земном языке это значит: богатый. Но мне нравится больше перевод с глизеанского: Ветер.

– Можно мне вызывать тебя, если очень понадобится? – она спросила смутившись. – Как сегодня.

– Да, в таком случае так и обращайся, пусть это будет для меня сигналом, что все серьезно, договорились?

Аверин мягко отступал к ее двери, не разворачиваясь спиной, словно ловя последние секунды прикосновения взглядов. Он действительно выглядел плохо: похудел еще больше, под глазами залегли черные тени, и светло-серая форма лишь подчеркивала серый цвет лица. Ему бы поспать, да поесть. А он тут. И никуда не желает идти. Сделав усилие над собой, прикоснулся спиной к двери, и открыв ее, вышел.

Нэрис осталась, задумчиво рассматривая очередной свой цветок. Они занимали уже целую полку в библиотеке, настоящий малюсенький сад. Сначала ей показалось, что растения срезаны и их было жалко. Потом, потянувшись к ним мысленно, Нэрис остро почувствовала: – растения живы и отлично чувствуют себя в прозрачных стеклянных цилиндрах. Нужно будет расспросить о них у хозяина биостанции и лучшего друга Аверина. И вообще обо всем расспросить. Притянув колени к груди, Нэрис стала себе представлять сцены грядущего знакомства с экипажем Совы. Они все ей казались людьми безусловно-прекрасными, умными, сильными. Аверин ведь сам собирал экипаж? Значит, по-другому и быть не могло. Только с врачом он ошибся…

С самой первой минуты знакомства этот… как его? Я снова умудрилась забыть имя нового врага. Меня он возненавидел. За что? Впервые в своей жизни я видела человека смотрящего на меня так брезгливо. Его от меня откровенно тошнило. Да, я не красавица, моя внешность далека от шаблонов безупречной человеческой красоты тех же голодианок. Пусть будет док. Так его Рик называет.

Аверин сегодня получил от меня свое новое имя. Сразу вспомнила старую сказку о волшебных существах, имеющих крылья и кучу невероятных способностей – грильфах. После свадьбы они давали друг другу новые имена. Легенда гласила, что грильфы были первыми жителями Лиглы и вымерли все. А может, они стали бабочками. Рик мне сказал, что с бабочками все в порядке, осваивают биостанцию и очень довольны. И он не обманывает. Мысли, мысли, они сами порхали как бабочки. Хорошо.

Этот мужчина в который раз умудрялся одним лишь своим присутствием решать все мои запутанные проблемы.

Когда его не было рядом все становилось так сложно… И доктор. От одного воспоминания о нем я содрогнулась. Опять.

Его слова резали душу. О том, что я никому не нужна. О том, что Аверин не зря до сих пор не женат и у него в каждом порту метрополии есть такая «невеста». Я чувствовала – это ложь. Но слова разъедали мне душу. И не слышать их я не могла. Хорошо, если Рик прослушает аудиозапись моих «медицинских осмотров», ему будет полезно. Хотя, боюсь, он доктора тогда просто убьет.

Поцелуй.

Я потрогала пальцами губы. Казалось, все еще сохранившие запах и вкус его губ. Третий поцелуй в моей жизни. Три разных мужчины и три разных истории. Райана я целовала сама, прося его хотя бы о маленькой дозе надежды. Он тогда не ответил. Поцелуй – острое разочарование. Диль на отборе поступил точно так же. Я оттолкнула его и две эти истории стали горькими и неприятными. А теперь этот. В очередной раз ставший жестом доверия и откровением. И впервые в своей взрослой жизни я осознанно приняла его, открылась в ответ. Да я ведь развратница…Улыбнулась мечтательно. Всего пара часов между пропастью черного

отчаянья и теперешним ожиданием чуда. Он действительно Ветер. Подул и исчезли все тени кошмаров, и придуманных бед.

Куда унесет меня Ветер Аверин? Станет ли для меня борт «Совы» новым домом? Напрасно мой капитан за меня опасался, образование Красного круга не зря считалось одним из самых лучших в метрополии. Выживать нас тоже учили. А жизнь в замкнутом пространстве фрегата ничуть не хуже существования в стенах монастыря.

Вспомнив, что видела в библиотеке бумажную книгу с интересным названием: «Практическая психология экстремальных ситуаций», прихватила с собой новый подарок Аверина и направилась в библиотеку. Мой собственный храм.

Проходя мимо двери выхода из капитанских апартаментов услышала шум. Замерла. Кто-то явно пытался открыть эту дверь, и вовсе не простым касанием зоны идентификации.

– Петрович… – за все время, прошедшее после отвратительной истории с душем в первый же день моего пребывания на фрегате, я ни разу не обращалась к ИскИну. Но Аверина дёргать опять было совестно.

– Светлых мыслей, психолог Аверина – мгновенно отозвался дух корабля. Или его разум, я еще не поняла. – Я слушаю, только быстро.

– Кто-то пытается взломать вход в наш сектор. Капитан час назад изменил коды входа и заблокировал вход.

– Понял.

Секунду спустя за дверью раздалось странное жужжание, треск каких-то разрядов, звук борьбы и все затихло.

Слушая напряженно я присела на приступок того, что должно быть бассейном и затаила дыхание.

– Все в порядке, больше подобное не повториться. – отрапортовал браво Петрович. Еще пожелания?

– Доложить о произошедшем капитану!

Я уже догадалась о том, что тут произошло и скорей разозлилась, чем испугалась.

– С первой секунды вашего сообщения.

4. Занимательная космография

Сова. Имперский фрегат 27-313, класса Angelus-Iustitia Inspector Victoriam. Периферия двойной звездной системы Кеплер 47 в созвездии Лебедя

Привычный ритм предстартовой подготовки, отчеты ядроидов по отсекам, потрескивание гало-ленты, переливающейся прямо над головами офицеров, сидящих за длинной панелью ручного управления.

Макар оставался одним из тех немногих капитанов малого флота, кто упорно настаивал на прямом управлении кораблем в самых разных условиях. И надо отдать ему должное: “Сова” теперь отправлялась в ремонт впервые, с момента рождения на Шедаре. Среди экипажей имперского флота – своеобразный рекорд.

Последняя перекличка, доклад о готовности всех систем и опрос по отсекам. Секундная заминка, на крохотное: “Ты готова?” и получив лишь одному ему слышный ответ Аверин не сдерживаясь улыбнулся, выдвигая блок ручного управления кораблем.

Запущен обратный отсчет.

Пять.

Когда-то, уже так давно, что Мак и не помнил уже, где конкретно и с кем, он также впервые входил в измерение, романтично прозванное Сумерками. Он был юн и, говоря откровенно, безмозгл совершенно. Ощущал лишь веселый азарт и вращение острого шила в том самом месте, на котором приличные люди сидят.

Четыре.

Мак Аверин вел твердой рукой свой фрегат к точке входа в прыжок, холодея от непривычной и малодушной, наверное, мысли: ему теперь есть что терять. Он не просто ответственен за корабль и за жизни всего экипажа, он сам хочет жить. Просыпаясь каждую вахту вдыхать запах женщины рядом. Открывая глаза ловить ее взгляд. Ждать улыбку ее, словно маленький праздник.

Три.

Жажда жизни, как новая точка опоры. Как тот самый маяк, на который сейчас он ведет свой корабль. Он уже близко. Радары его уже видят, пеленг уверенно взят. Небольшое отклонение от заданных координат и офицеры, сидевшие рядом в который раз мысленно поблагодарили Создателя за осторожного капитана.

Два.

Маяки часто мигрировали, “сползая” на грани пространства. Один градус погрешности пеленга отправит фрегат в шервову задницу космоса, если не дальше. Автоматика точно бы промахнулась. И Болталась тогда бы “Сова”, хорошо, если в Сумерках где-то, пытаясь найти к ней ближайший маяк.

Один.

Точку входа в Сумерки, – загадочное измерение, в котором не работали вселенские закона пространства и времени, маркировали дрейфующим в космосе сооружением, – маяком. У каждого маяка есть свои точные (условно) координаты и… имя. Все космонавты – романтики. У всех маяков женские имена. Этот звали Аглиса.

Вход!

Девчонка не подвела, хоть на подходе и покапризничала. Первое, что ощущают впервые попавшие в Сумерки – это отсутствие времени. Корабль – это жесткая рамка пространства. Его энергетических ресурсов хватит на то, чтобы остаться стабильным, не распыляться на тысячи

дециллионов частиц, превратившись в обычное облако. Контур сумеречной гравитации работает только в прыжке. Но над временем он не властен, оно остается за гранью пространства там, в космосе.

Летающие на кораблях дальнего следования космонавты почти не стареют. Первому в жизни Макара преподавателю межзвездного пилотирования было порядка ста лет, а выглядел он просто зрелым мужчиной. Седины даже не было.

Потому они и старались семьи если и заводить, то уже на закате карьеры. Или… так как он умудрился, заводили семью прямо на корабле. До того момента, когда пойдут дети.

Что-то он размечтался, пожалуй. Способов делать детей может и предостаточно, но он ретроград, консерватор и ортодокс. Который жену свою еще даже толком не трогал.

– Капитан, прошу передать мне управление, – подал голос вдруг Стэм, сидевший по правую руку. – Не хочу терять навык.

Оглушительная тишина, каждый раз бившая по ушам сразу после входа в Сумерки, почему-то его расслабляла. Все двигатели остановлены, корабль движет вперед лишь энергия удержания рамок пространства.

– По моим расчетам, к следующему маяку мы выходим через пятнадцать минут. – Тут же ему отозвался Петрович. – И совсем другим тоном добавил: – Капитан. Вам бы пойти отдохнуть.

– Нет! – пряча улыбку, Аверин таки передал блок управления в руки старпома. – Не время для отдыха. Хич, подготовить доклад о состоянии ГЭУ.

Закинул руки за голову, стараясь незаметно коснуться виска.

“Как ты?” – шепотом коротенькое сообщение.

“Все отлично. Поздравь меня, я – космонавт!” – судя по голосу, рада.

Он опять улыбнулся, глаза прикрывая.

Прошептал: – “И тебя и меня поздравляю!”

***

В “Инструкции по подготовке к прыжку для пассажиров сверхдальних космических линий” ничего интересного я не нашла. Для тех немногих отважных (или чрезмерно самонадеянных) кто рискнул не прибегнуть к услугам системы стазисного сна, судя по описанию отлично налаженной на судах дальних линий, предлагались смириться с неизбежными неудобствами, не есть за час до выхода в зону прыжка и встретить этот момент в своей мягкой постели. Желательно спящими. Этого не получилось.

Кажется, я окончательно выспалась. Честно лежала, согласно инструкции, и разглядывала стены каюты в комплекте с ее потолком. Странные полукруглые рамы, похожие на экраны, размещались повсюду. А если это иллюминаторы? Как там Аверин сказал можно вызвать подсказку… Нащупала в изголовье кровати какую-то мягкую панель, после долгих попыток ее как-то сдвинуть сдалась, и тихонечко попросила: “Обзор мне откройте, пожалуйста.”

На панели тут же голубым светом зажегся длинный ряд имперских цифр. Я перевела взгляд на стены каюты и заметила точно такие же цифры в рамах “экранов”. Осторожно коснулась той, что светилась на раме прямо передо мной. Развернулся вид серо-графитного космоса, ни одной звездной точки, никаких ярких светил и знакомых созвездий галактики.

Сумерки.

Судя по виду, экран не был иллюминатором, скорее всего это проекция с внешних камер и датчиков корабля. Прикосновение к цифре панели его погасило. Левый от центра экран открыл мне вид нашей столовой. Правый – как я понимаю, – каюты Аверина. Куда меньше моей, совершенно аскетично обставленная. Только узкая, будто лавка кровать, рабочий крохотный стол и еще один санузел. Я теперь понимаю, почему он с таким удовольствием оставался в моей половине!

Улыбнулась невольно. Трогая губы опять вспомнила наш поцелуй. И его обо мне беспокойство на входе в прыжок тоже вспомнила. Сейчас он молчал, очень занят наверное. Сложно вести неисправный корабль в Сумерках. Вспомнилось напряженное его лицо, когда вышел на видеосвязь перед самым началом прыжка. И крупные капельки пота на бритых висках тоже вспомнились.

Бедный. Пока я валяюсь тут, перещелкивая экраны, он там снова не спит и голодный опять. Он же все время голодный…

Спустя полчаса я настроила обозрение корабля из кровати каюты. Единственное место на судне, вид которого я никак не могла получить, была, к сожалению, командная рубка. И каюты всего экипажа, конечно. Даже лазарет отражался прекрасно, и я с удовольствием полюбовалась на спящего брата с супругой. Несложная комбинация номера палубы и отсеков выдавала на стены каюты прекрасные виды.

Я лежала на смятой постели, рассматривая фрегат, ставший почти вторым домом и не могла отделаться от странной мысли-ощущения. Все сейчас происходящее правильно. Я стою на том самом пути, к которому шла всю свою жизнь. Я на нужном мне месте, детали огромного механизма сошлись, шестерни зацепились и история завертелась.

Наша с Макаром история. Он, я, “Сова” и “Совятник”. Все вместе.

С этими приятными мыслями я для себя незаметно уснула. Сквозь сон услышала, как он пришел, как бесшумно вокруг что-то делал, явно стараясь меня не тревожить. Как шумела вода потом в душе. И как рядом спружинило ложе под тяжестью мощного тела.

– Ты не против? – прошептали мне теплым дыханием прямо в макушку.

Отвечать не хотелось. Меня в моем сне все совершенно устраивало.

– Я стал плохо спать один, знаешь ли… – бессовестно обнимая меня подтащили под бок. Остро пахнущий влажной мужской кожей и чем-то свежим. Похоже на запах листьев мажорника.

Решила не просыпаться. Во сне мне не стыдно уткнуться лицом в его голую грудь и вдыхать его запах. Я же сплю?

– Притворяшка, – смешок снова, обнял еще крепче. – В целом прыгнули хорошо, только немножечко промахнулись, теперь еще сорок часов шлепать по космосу до маяка. – осторожно коснулся моего лба губами и улыбнулся. По шевелению губ я почувствовала. – Сорок имперских часов, дорогая. Это четыре декады по сто минут стосекундного времени! Высплюсь и разжирею…

Последнюю фразу он произнес очень медленно, засыпая. Вздохнул тяжело и мгновенно уснул. А я так и лежала с закрытыми глазами в полудреме, пригревшись у него на груди, боясь даже пошевелиться. Не оттого, что его разбужу: судя по скорости засыпания, его не разбудит теперь даже землетрясение. Страшно терять откровение этих минут. Тонкие ноты доверия и чего-то еще, непонятного, но уже осязаемого.

Сон в одной постели оказался не просто анахронизмом, традицией прошлых веков. Я не могла слов подобрать, определить ощущения. Завтра вспомню и все запишу. Уже завтра.

5. Просто сны

Сова. Имперский фрегат А- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

Клочья дыма, удушливо-сладкий запах жареной человеческой плоти. Воздух, вздрагивающий от взрывов, густой дождь раскаленных осколков, разрезающих толстый слой серого пепла у них под ногами.

И оглушительная тишина.

Как тогда, на Майране. Когда он оглох, и в этом смертельном кошмаре мучительно-долго искал ее. И нашел.

Только во снах, что с тех пор ему снились, Ася всегда оставалась живая. Не кучей обгорелых костей и ошметков одежды, из которых даже восстановить было нечего, а такой, какой Мак видел ее в последний раз.

Тогда она совершенно определенно почувствовала свою смерть. Уходя оглянулась, ему улыбнулась, и запретила идти с ее группой. Наотрез запретила.

– Приветули, малыш, – она всегда его так называла, хотя Аверин был младше ее всего лишь на несколько месяцев. Это всегда его злило, но возражать командиру и капитану не стоило.

– Здравствуй! – он не был ей рад, и давно уже. – Зачем ты пришла?

Когда-то тогда, – в прошлой жизни, эти сны стали единственным, что у него оставалось. В них Ася к нему приходила, живой. Они спорили, ссорились, разговаривали. Целовались, иногда даже занимались любовью. Все, как в той жизни, чьи осколки остались на выгоревших до основания и расплавленных скалах Майрана.

Во снах он опять становился послушным мальчишкой, влюбленным и робким. Твердо знающим, что не достоин, не мог, не дотягивал. Что виноват. Нужно было тогда ее остановить. Его чуткая интуиция громко кричала о смерти. Его разум нашел несколько сотен причин отменить этот рейд. Но Ася всегда четко следовала своему собственному плану. И не слушала «этих мужчин».

– Вот как ты стал разговаривать… – она зло прищурилась, развернувшись к Аверину. – А ведь это ты виноват в моей смерти!

Старая песня. Была у возлюбленной Мака такая черта: своих ошибок она никогда не признавала. И вдруг она воскресни сейчас, именно так ему все обязательно бы и сказала. Да только он больше не тот мальчик, что как на богиню смотрел на нее.

– Конечно. Я всегда виноват. Мне иногда даже кажется, что я тебе нужен лишь только для этого. – Он хотел отвернуться, но снова не смог. Хотел никогда ее больше не видеть.

– Я любила тебя!

Это ложь. Она много раз ему снилась и каждый раз капитан понимал, что подобное из ее уст могло прозвучать лишь во сне. Никогда, за всю недолгую историю их отношений Ася ему ничего подобного не говорила. В ответ на его пылкие юношеские признания лишь задумчиво улыбалась. Как тогда, в их последнюю встречу.

– Это сон. Просто сон, – Макар произнес через силу, отшатываясь от подруги. – Я проснусь, а тебя больше нет. Отпусти меня.

Внимательный взгляд темных, чуть раскосых глаз, упрямо поджатые губы. У них никогда не было общего будущего. Ася родилась на Барейне, планете изгоев и беженцев. Ее генетическая карта полностью исключала полноценный союз с чистокровным землянином. Процент

генетической разницы не позволил бы им заключить этот брак по законам империи. Только свободные, ни к чему не обязывающие отношения. Просто и без условностей. Тогда ему было вообще все равно… Глупость.

– Обойдешься, Аве-рин.

Когда она злилась, звала его именно так. У него словно не было имени. Или «малыш» или Аве-рин. Как любимый питомец. Собака.

Они стояли напротив друг друга и напряженно молчали. Макар снова и снова вглядывался в это, когда-то так остро любимое им лицо и невольно сравнивал. Тогда он болел этой женщиной. Хворал долго и тяжело. И не хотел выздоравливать.

А теперь… Теперь все иначе. Ради той маленькой и хрупкой девочки, что посапывала у него под боком, он хотел жить. Впервые за долгие годы.

– Не боишься ее потерять? – жестом до боли знакомым Ася заправила темную прядку волос за точеное ухо. – Все мы смертны.

Он очень боялся. Смертельно, до судорог, до остановки дыхания. Именно это и останавливало Аверина. Но говорить ей не стал. Она больше не друг ему.

– Отпусти меня, – снова тихая просьба. – Мы с ней разберемся.

Резкий поворот, злой взмах плечом, словно отряхиваясь, и его собеседница, его давний кошмар снова уходит. Как всегда: за поворот у двери и налево. Как тогда.

Чтобы вернуться опять…

От внезапно нахлынувшего ощущения боли я резко проснулась. И примерно минуту пыталась понять, что болит. Лежала с закрытыми плотно глазами, вдыхала знакомые запахи и не понимала вообще ничего.

Боль скручивала сознание, тело вздрагивало, слезы к горлу подкатывали, хотелось завыть, но… физически ее не было. Просто мой дурной сон? Постаралась припомнить. Нет. Мне снился наш внутренний сад, и во сне я старательно обрезала кустарники, готовя их к нашей короткой, но снежной зиме. Ничего страшного: тонкие синие ветки, дорожки, похрустывающие под ногами морской круглой галькой.

Я открыла глаза и сразу же все поняла. Марк уже тоже не спал. Суровый и мрачный, он лежал рядом со мной и боясь потревожить мой сон, даже дышать старался как можно тише.

На его лице отчетливое выражение той самой боли, которая острым ножом до сих пор где-то под ребрами мне покалывала.

– Что-то плохое приснилось? – потеревшись зачем-то лицом о его голый боя я спросила.

Неожиданное и приятное ощущение: терпкий запах мужчины, горячая гладкость поверхности и пульсирующая под ней жизнь. Мак напряжен, он весь словно окаменел. С трудом перевел на меня взгляд, все еще хмурясь. Губы сжаты, скорбные складочки в уголках. Темные тени, надежно залегшие под глазами.

– Приступаешь к обязанностям психолога? – он спросил. Получилось прохладно.

Я искренне удивилась, все еще в него вглядываясь.

– Не расскажешь, – уверенно констатировала, приподнимаясь навстречу ему. – Почему?

Макар пристально вглядывался мне в лицо, словно пытаясь найти в нем ответ. Потом что-то в глазах его неуловимо смягчилось, и тихо вздохнув, он сказал:

– Эти кошмары давно стали частью моей жизни… – снова я боль его ощутила. Близкую, личную боль, как-то вдруг ставшую моей. – Утром я просыпаюсь, выкидываю их из головы, отодвигаю в дальний угол, и с головой окунаюсь в дела. Иначе давно бы рехнулся.

– Ты не пытался… – я начала было фразу, но Макар резко меня перебил, быстро вставая.

– Нет. – Спустил ноги с кровати, развернувшись ко мне голой, широкой и загорелой спиной, сплошь расчерченной старыми шрамами. – И давай больше не будем об этом.

Я промолчала, разглядывая его спину. Чувствовала, ощущала: это знаки из тех его снов. Осторожно коснулась кончиками пальцев одного, самого страшного, разрывавшего кожу под левой лопаткой.

– Я почувствовала во сне твою боль, – ему нужно знать, чего ожидать от негаданного приобретения в своем экипаже. – Молчать об этом у нас с тобой не получится. Прости, но я словно без кожи. Не сердись.

Он порывисто перехватил мою руку, вглядываясь в лицо, хотел что-то сказать, но вдруг под дверью входа в апартаменты раздался странный звук.

– ВОУФ!

Гулкий и громкий, он походил на грохот каменного поселкового колокола.

И секунду спустя снова:

– Вуф! – короче и явно настойчивее.

Вопреки моим ожиданиям, капитан широко улыбнулся, и схватив короткую и тонкую белую тунику со столика у кровати пошлепал босыми ногами к заветному входу.

– Рик, ты уверен? – осторожно спросила его.

– Это же просто собака! – пояснил для него очевидное. И я напряглась окончательно. Не хотелось бы повстречать на борту космического корабля чудовище даже немного похожее на подземных собак.

Чудище не заставило себя ждать. Оно резво вползло на коротких и толстых ногах в приоткрытую дверь, и помахивая жутким костистым хвостом весело поскакало к кровати. Крупный зверь был красивого, темно-бордового цвета, с длинной, как клюв экзоптицы мордой и совершенно разумным на ней выражением.

В зубах это чудовище несло нам… пустую тарелку. И радостно водрузив ее на постель, рыжий монстр тут же резво запрыгнул и живописно упал рядом. Всем видом зверюга показывала, что ужасно устала и только отдых на нашей кровати спасет утомленного путника.

– Кажется… – вертя в руках тарелку задумчиво произнес капитан. – Гесс зовет нас на биостанцию, приглашая на завтрак.

– А… – осторожно сев рядом с радостно улыбающимся в свою всю хитрую рожу пришельцем я вытащила из-под него кончик своего мягкого белого одеяла. – Прислать сообщение он не мог? – мало ли что я не знаю.

– Вот у него мы и спросим, – решил тут же Макар. – Горыныч, не завирайся. Твое место на коврике.

Натурально скривившись, тот кого так громко звали, нехотя сполз под кровать.

– А мое место, где, капитан? – тихо спросила.

– Прости, – он привлек меня к себе осторожно целуя в висок. – Я не хотел тебя обидеть. Просто… Я не готов пока выпускать это в реальность. И ты не готова.

Ох, уж эти мужчины… Но ничего, мы подождем.

– А теперь в душ, одеваться и топаем на биостанцию. Заодно я покажу тебе всю верхнюю палубу. Я смотрю, с видами нашего корабля ты уже разобралась.

Аверин снова вернулся. Вечная неунывающая улыбка, твердый взгляд, полыхающая энергия жизненного оптимизма. Но только я знала… Я видела там, в уголке его сильной души страшные тени из недавнего прошлого.

Его жуткие сны.

6… И бабочки

Сова. Имперский фрегат А- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

– Чаю? – Огромная туша биолога меня объективно пугала. Особенно то, с какой плавной грацией он перемещался по биоотсеку. Хищник, опасный неимоверно. И если от капитана исходила уверенная мужская сила, меня завораживающая, то его друг ощущался могучей стихией. – Вы меня опасаетесь. – Не спросил, утверждал.

До завтрака мы с Аверинымне не дошли. Буквально за несколько метров до входа на территорию биостанции с потолка раздался скорбный голос Петровича, вызывающего капитана в центральный и срочно. Макар тихо выругался на неизвестном мне языке, набрал код на входе в отсек, меня чмокнул громко куда-то в висок и убежал. Натурально и быстро, а мне оставалось только взглядом его проводить…

Горыныч зачем-то последовал за капитаном, громко цокая когтями по твердому покрытию верхней палубы.

Дверь открылась и меня встретил сам Гесс.

Огромный, могучий, какой-то весь… нереальный биолог вел себя как ни в чем не бывало. Еще пошутил как-то грустно относительно «третьего лысого». В отличие от наших с Риком шершавых макушек его череп блестел, выразительно подчеркивая тяжелую нижнюю челюсть, крупный нос и делая вид биолога еще более живописным. «Гесс Оранг, биоэколог, глизеанец» – так он мне представился…

– Да, опасаюсь немного, – силе природы врать совершенно бессмысленно. А порой и опасно.

– Тогда успокаивающего, – он снова не спрашивал. – Субъективно? Или на то есть причины?

– Мои личные ощущения. Я вас чувствую, это… сложно объяснить.

На живописнейшем фоне отсека биостанции Гесс выглядел на удивление органично. Свободная светлая роба, мягкие мокасины и нож, во внушительных кожаных ножнах висевший на поясе .

– Тогда переходим на «ты» и рассматриваем происходящее с научной точки зрения, как наблюдатели, – он мне улыбнулся. – Пробуем?

А теперь очень тихо меня Гесс спросил, протягивая неизвестно откуда взявшуюся термочашку.

Сомневаясь секунды, я ее приняла, понюхала, затем аккуратно отхлебнула горячий напиток. Запах цветочный. Вкусно, ароматно, немножечко опьяняюще. Волна теплого и мягкого спокойствия накатила достаточного быстро и действовал чай куда лучше всех успокоительных аппликаторов. Молча кивнула, оглядываясь вокруг.

Мир Гесса. Его закрытая ото всех территория, его тайная страсть, биостанция на корабле. Рик уже успел кое-что мне о ней рассказать . Кормилица и поилица, перерабатывающая все продукты отходов жизнедеятельности экипажа, она делала «Сову» по-настоящему автономной.

Огромные цилиндры биофильтров, бурлившие зеленью жизни были похожи на колоннаду в этом храме науки. Стеллажи с фантастическими грибными культурами, буйная зелень дендрария, запахи цветов, даже свои жители: в глаза сразу бросались порхающие между растениями мелкие разноцветные организмы, наверное, птицы или насекомые.

– Итак, мне кажется, тебе есть что сказать. – Гесс не мешал мне осматриваться. Сам он занялся важным делом: неторопливо шлепая по гладкому полу отсека к нему вышла семейка кобат. Толстые, неповоротливые, с гладким мехом и короткими чешуйчатыми хвостами эти милые звери были весьма популярны в качестве домашних животных в моем бывшем мире. Зачем они здесь?

И словно услышав вопрос, Гесс пояснил мне охотно:

– Это одна из моих научных миссий: я в разных мирах собираю интересные и редкие виды домашних животных, изучаю их, получаю потомство. По результатам моих исследований специальная комиссия рекомендует введение этих видов в культуру при освоении новых колоний. Человечество всегда идет в ногу со своими питомцами. Это наша история, и отказываться от нее людям точно не стоит…

Говоря это, Гесс резал белые шарообразные грибы на крупные кубики своим острым ножом и отпихивая ногой нетерпеливо пританцовывавших у стола наглых кобат раскладывал аккуратно по мискам.

– Я вижу энергии, – отчего-то решила признаться. И тут же добавила, словно оправдываясь: – Для совершеннолетних высокородных женщин нашей расы это нормально.

Прозвучавшие слова казались здесь, в простом и лаконичном мире «Совы» чем-то чужеродным, уродливым, лишним. Я тут же о них пожалела. Но Гесс выслушал очень внимательно, отрываясь от кормежки кобат.

– Как ты их видишь? – спросил он задумчиво. – Как что-то физическое? Или мысленно?

Я поморщилась, вспоминая слова из монастырских учебников.

– Сначала мы чувствуем их как ощущения. Как если бы услышали фразы на неизвестных нам языках и почувствовали эмоцию того, кто их произносит: страх, радость, грусть. Потом… когда Зера пускает свои первые линии, мы начинаем их видеть. Сегодня я ваши…

– Твои. У землян такое обращение говорит о доверии, – мужской низкой голос звучал тихо, но твердо. – Мне самому было очень сложно следовать этой традиции, я из странного мира. Там, где я родился и вырос, много лгут… Так что ты увидела?

Зачем он рассказывает это испуганной девушке? Похоже, что Гесс и сам даже не знал. Я отчетливо вдруг увидела и его все сомнения и старую, затаенную глубоко и надежно обиду.

– Ты серьезно обижен и запретил себе думать о будущем.

– И как ты это видишь? – быстро и холодно очень спросил, явно мне не поверив.

– Как тугой узел. Узлы всегда видятся там, где проблема. Или даже болезнь. У них разный цвет. Обида всегда почему-то коричневая. И чем темнее, тем глубже.

Я присела на корточки рядом с веселой семейкой кобат. Самый крупный из них, наверняка патриарх, недоверчиво на меня покосился и громко присвистнул. Все семейство тут же попятились к Гессу.

– Знаешь… – отчего-то вдруг воодушевившись попыталась биологу я объяснить. – Когда люди, животные или растения чем-то болеют, то сначала я это вижу как узел. Поначалу его еще можно распутать и развязать. Есть множество техник… – Я тоже тихонько присвистнула. С раннего детства мы умеем подзывать этих милых зверушек. Двое маленьких потянулись, старшие остались на месте, осторожно принюхиваясь. – Когда недуг заходит уже далеко, мы видим, ее словно язву. Воронку, в которую утекает жизненная сила, энергия, сама жизнь. Она у всех разная, но это видно. А ты весь в узлах. Старых, от времени окаменевших, как шишки дерева са.

Биолог задумчиво слушал. Потом развернулся спиной, жестом меня приглашая в зеленые недра дендрария.

– Я Макару сюрприз обещал. Пойдем, мне есть чем тебя порадовать. Это очень интересно. – И видя мои сомнения, мягко добавил: – Капитан скоро вернется, он уже сообщил мне по внутренней связи. Дождемся его и тогда уже вместе позавтракаем.

Сюрприз удался.

Дендрарий биостанции представлял собой настоящий, густой темный лес. О том, как биологу удалось вырастить нечто подобное на палубе космического корабля, пусть даже и современнейшего фрегата, оставалось лишь только догадываться.

Между ажурных орнаментов яркой зелени яркими красками тут и там полыхали уже знакомые мне цветы, тонкими нитями светлых корней обвивающие развилки коренастых ветвей невысоких, но толстых деревьев. Летающие между них существа удивляли своим оперением, перламутрово-синим, лимонно-желтым и огненно-красным. Они в воздухе зависали мелко взмахивая дюжиной крыльев и высовывая длинный раздвоенный язычок, с любопытством разглядывали нас, блестя черными бусинками крохотных глазок.

– Твои звери действительно интересны, – пока я разглядывала дендрарий и его милых жителей, Гесс незаметно меня обошел и возник вдруг уже за спиной.

Я подпрыгнула, летучая красота разлетелась.

– Все еще опасаешься… – покачал головой биолог поджав скорбно губы. – Так вот, я впервые столкнулся с телепатическими способностями у домашних животных.

Произнося эти слова, он раздвинул плотный полог вьющихся растений, свисающих с самого потолка, словно занавес, и кивнул туда, вглубь, приглашающе.

– Они… не домашние, – я шагнула за ним, нерешительно оглядываясь вокруг. – Это мы их случайно совсем приручили, еще когда были детьми.

– Я абсолютно уверен в том, что и родители ваши так же считают, и деды. – Гесс усмехнулся беззлобно, оглядываясь на меня. – Почему-то все знают о бабочках и их способностях, а приручили их только вы.

– Домашними их все равно не назвать, – я заупрямилась, остановившись у невысокого, смутно знакомого деревца. Са? Но откуда? – В неволе они не размножаются, мы жизненно не нужны им, к тому же…

Я хотела ему рассказать, что мы даже ведь толком не знаем, где живут бабочки, чем питаются. Просто маленькие друзья, однажды благосклонно принявшие из детских рук вкусное лакомство И только.

Но переведя взгляд чуть выше саженца самого легендарного дерева Лиглы я увидела невероятное.

Круглый домик, тщательно свитый из тоненьких листиков, как будто связанный спицами, очень искусно и аккуратно был подвешен на толстой лиане и смотрел на меня плотной воронкой широкого входа. В котором уютно сидела знакомая бабочка. Да не одна. Из-под ее крыльев выглядывало несколько кругленьких носиков, и любопытные черные глазки поблескивали в полутьме.

Я оглянулась на Гесса, не в силах промолвить и слово. Он широко улыбнулся, и протянул руку к гнезду. Бабочка тихо курлыкнула, потянулась и легко выскользнула из убежища, оставив детенышей. Расправила крылья, взлетела и сделав круг у нас над головами она элегантно присела на пальцы биолога.

Просто фантастика.

– Как? – я только и смогла выдавить из себя.

– Я получил три устойчивых пары, все самки были беременны, – самым кончиком пальца биолог погладил красавицу. Бабочка от удовольствия зажмурилась. – Пришлось срочно делать анализы ДНК. Удивительные это животные, правда?

– О… да. – отойдя наконец от первого острого шока я сама протянула ей руку и малышка охотно вспорхнула мне на ладонь.

– Самое в них удивительное, это то, что эти малышки созданы человеком. – Продолжал поражать меня Гесс. – Как только я это выяснил, остальное пошло куда проще. Искусственно созданные организмы легко прогнозируемы.

– Быть такого не может… – я тоже малышку погладила, но никаких новостей мне она не несла, что вполне ожидаемо. – Колонисты не принесли с собой никаких домашних животных, это было запрещено всеми законами. У нас в каждом учебнике это написано.

– Абсолютно согласен, – внезапно со мной не стал спорить биолог. – Этой модели генетической модификации почти триста лет. – Он достал из кармана рабочих штанов плоскую коробочку и открыв ее, высыпал на ладонь целую горсть омерзительно извивающихся странных червей. Бабочка видя их восторженно пискнула и немедленно приступила к обеду. – Я нашел ее в определителе полностью утерянных человечеством рукотворных домашних животных. Поздравляю, коллега, мы с вами совершили открытие.

Он так весело пошутил, я надеюсь?

7. Завтрак

Сова. Имперский фрегат А- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

Поздравь лучше меня! – прозвучало так близко, что я снова подпрыгнула от неожиданности. – Если считаешь коллегой, конечно. Я вам не мешаю?

Аверин. Почему я его не почувствовала? Так увлеклась созерцанием семейства бабочек?

– Вот и славно, – Гесс даже не дрогнул. Словно и не удивился внезапному появлению капитана. – Сейчас докормлю первую партию нуждающихся и приступим к кормежке голодного капитана. Или ты против?

Кажется, это меня теперь спрашивали. Я, все еще пораженная видом детенышей и впервые в своей жизни видевшая бабочку, громко хрустящую головами червей, молча перевела взгляд с улыбающегося во все белые зубы Аверина на сдержанно растянувшего губы биолога.

– Н-е-е-т… – только и смогла сипло выдавить.

– Водички? – ехидно спросил капитан. – Но я кофе хочу. И… Гесс, если ты меня не накормишь, я начну натурально зубами ловить твою живность. Даже вид этих червей вызывает исключительно гастрономические ассоциации.

– Кофе? – я сегодня просто блистала осмысленными вопросами.

– Земной напиток, – Гесс мне ответил, торопливо стряхивая червей прямо на лиловые листья деревьев. – Любимое пойло нашего капитана. Точнее, моя попытка его имитации. Та еще гадость, поверь. К тому же, наркотик.

Так, мне явно нужно взять паузу. Переполнение мозга. Еще и наркотики. За кого это замуж я выскочила совершенно случайно? Стоит рядом радостный, улыбается, совершенно не собираясь оправдываться и не смущаясь. Взгляд только немного шальной.

– Не пугай мне жену, изверг, – правильно расценив мои внутренние терзания, Рик осторожно меня приобнял и целуя в макушку продолжил: – Всего лишь энергетик. Легкий, растительный, и не слишком эффективный. Запах из детства и напоминание о Земле. Ты закончил, мучитель? Я все больше подумываю о съедобности этой лиловой сосны.

Что такое «сосна» и правильно ли я поняла слово «лиловый» спросить не успела. Гесс осторожно посадил обратно в гнездо заметно округлившуюся бабочку, проверил какие-то прозрачные колбы, висевшие рядом, постучал пальцем зачем-то по крохотным датчикам, выглядывающим прямо из листьев, и мы двинулись дальше.

Биостанция производила удивительное впечатление.

По дороге сюда Рик провел меня по верхней палубе, показав схематическое расположение жилых кают экипажа, странное помещение с названием «кубрик» и небольшой «верхний» лазарет. Все это хозяйство располагалось в левом крыле, капитанские апартаменты и лабораторные помещения биостанции – в правом. А «спину» совы занимал собственно биоотсек. Он разделялся на вертикальные ярусы и вместе с шаром реактора даже снаружи казался огромен. А уж изнутри… Целый мир, масштабы которого поражали воображение. И порождали вопросы.

– Ты говорил, – догоняя идущего впереди капитана я все же спросила. – Что такой биостанции, как на «Сове» нигде больше нет. – Он молча кивнул, сосредоточенно глядя под ноги. – А что тогда в них на ее месте? Ну… Вот тут. – И для пущего красноречия ручками криво взмахнула. Я сегодня прекрасна. И велеречива.

– А запасы. Дань автономии. – Все еще весело улыбаясь, ответил. – Начиная от химических составляющих материалов для принтеров и простейшего обеспечения жизнедеятельности и заканчивая разного рода провизией для экипажа. Корабль должен иметь возможность выжить, даже если его вынесет из Сумерек за световой год до ближайшего маяка.

– А на «Сове» нет запасов, совсем? – мой голос предательски дрогнул.

– Втрое ужаты, – прогудел сзади Гесс, – только самое необходимое. Остальное вполне успешно производится в этом отсеке.

Мы поднимались по очередной невысокой, буквально в десяток ступенек, узенькой лестнице. Я быстро потеряла им счет. Вверх и вниз, среди густых и разноцветных зарослей. Среди знакомой мне зелени полыхали кострами огромные красные листья, похожие на ладони, нежные синие стебли обвивали опоры межъярусных лестниц. Интересно, а почему здесь нет лифтов или антигравитационных устройств, как в роликах? Надо будет спросить.

– А если все вдруг… – я замолчала, медленно подбирая слова.

– Передохнет? – радостно мне оскалился Рик, оборачиваясь назад. – Я этот вопрос сам себе задаю постоянно. Для начала мы Гесса съедим. А потом будем думать, что делать дальше.

– Осталось всего десять метров до завтрака, кровожадный ты наш, – проворчал сзади шедший биолог. – Но на случай глобальной катастрофы у меня есть.... скажем так: клеточная коллекция всего, что здесь бегает, прыгает, летает, растет и съедобно. Вырастим за неделю обратно. – Тут он отчего-то притормозил, придерживая меня за локоть, – Если вы меня не съедите, конечно.

Не съели.

Хотя, к моменту выхода к тому месту, что Гесс скромно называл своим кабинетом, вид у Аверина был уже зверский. Даже я поотстала немного от нервного капитана.

Уютное помещение располагалось сразу же за бесшумно раздвинувшейся мембраной прохода в очередной сектор отсека. Я бы сказала, что очень обжитое место. В отличие от апартаментов Аверина. Только с началом моего бесцеремонного вторжения там появились ненужные, но уютные вещи. Цветы, например.

Стоящие и висящие буквально повсюду ненужности, милые сердцу владельца, в кабинете Гесса прямо с порога бросались в глаза. Какие-то очень красивые камни, притягивающие мой женский взгляд изумительными орнаментами структур и яркой игрой полупрозрачных цветов. Высокие цилиндрические колбы с растениями, гигантские белые зубы, инкрустированные в серебристую подставку, огромное резное копье и несколько крупных ножей на стене.

Роскошный деревянный стол, украшенный тонкой резьбой, возвышающийся посреди всего этого великолепия вызвал полный и единодушный восторг у нас с Риком. Меня искренне восхитили узоры фантастической красоты выступающие на черной его древесине. Капитан был сражен видом увесистого, занимающего почти всю столешницу термобокса.

– Мясо? – плотоядненько муж мой уточнил.

– Кормить хищников цветами – затея не самая дальновидная, – ухмыльнувшись, биолог меня обошел, направляясь к столу. – Но увы, мой капитан. Ты же знаешь, – это всего лишь грибы…

Хозяйственным жестом он свернул крышку бокса и по кабинету разлился весьма аппетитный запах настоящего, вкусного мяса. Судя по моему скромному опыту, – какого-то крупного, растительноядного зверя.

– Мясо! – рыкнул Рик радостно, откидывая в стороны боковые стенки термобокса. – И мне наплевать абсолютно, бегало ли оно только что где-то по биостанции, или тихо росло у тебя где-то в траве, притворяясь грибами.

Легко открутив одним сильным движением одну из стенок бокса, он чуть надавил в ее центр, буквально слепив довольно глубокое подобие тарелки. Потом откуда-то из недр добыл

нечто похожее на многозубую вилку и принялся быстро накладывать вкусно пахнущие разноцветные кусочки, поблескивающие капельками животного жира на запеченных боках.

– Поосторожней с количеством, капитан, – усмехнувшись опять, Гесс стал проделывать то же самое. Только я ошалело стояла и глазками хлопала.

– Я озверел от прямых вливаний в скафандре и жрать хочу постоянно! – Кучка еды на тарелке становилась все выше. Сверху на нее был водружен большущий кусок, действительно похожий на отлично прожаренное мясо. – Нэсс, у нас здесь целая коллекция самых вкусных в галактике овощей, очередная придурь моего штатного биолога.

«Штатный биолог», стоявший напротив, не отставал. Его тарелка тоже напоминала одно из помпезных правительственных зданий в нашей южной Агране.

– Он у нас человек увлеченный профессией, знаешь ли. А мне приходится все это терпеть. Вот, держи.

Последнюю фразу они произнесли сразу оба. И перед моим носом столкнулись тарелки с едой. Капитанская была выше, кусок мяса с ее крутой крыши скорбно сполз на посуду, протягиваемую биологом.

А мужчины вдруг замерли, напряженно глядя друг на друга.

Секунда, другая… Ох, не нравится мне это все.

– Я… – тихо переключила на себя их внимание, забирая тарелки и ставя их твердо на стол. – Совершенно не голодна. – Это правда. Как-то сразу желание перекусить испарилось. А свирепо молчавшие два самца ощутимо насупились. – Если можно, мне… – сама отломила тарелку себе, сама продавила в ней некое кривенькое подобие выемки и забрав у хмурого Рика наверное-вилку подцепила с его тарелки парочку красненьких овощей, а у биолога – нечто рассыпчато-желтое, – этого будет достаточно. – И тут же добавила: – пить очень хочется.

Под взглядом Аверина Гесс отступил, пряча глаза почему-то. И сел, сделав при этом попытку выдвинуть мне небольшое и тоже резное сидение из-под стола. Блеснули глаза капитана, Гесс руки от мебели быстро убрал и весь как-то сник.

Рик все так же молча меня усадил, перед носом поставил высокий прозрачный сосуд, в который из центрального отделения бокса налил предварительно нечто горячее и розоватое. И тоже сел.

– Что замерли, зайчики? – ухмыльнулся вдруг совершенно мальчишески. Я коллегами не питаюсь, расслабьтесь.

Мы с биологом понимающе переглянулись. И тихо вздохнув, я взяла из рук мужа протянутую чистую вилку, отдав ему прежнюю.

Нда… А ведь это только первый член действующего экипажа. Дай мне терпения и сил в этом выжить, Создатель. И не свихнуться.

Овощи действительно оказались поистине восхитительными!

8. Шахматы

Сова. Имперский фрегат А- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

– Послушайте! Это же изумительная идея! – с видом гурмана, получающего натуральный гастрономический экстаз, Нэс смаковала лакомые кусочки. А Рик с хитрым видом подкладывал, тихо мурлыкая что-то под нос.

– Да, совершенно согласен, – он отозвался, подцепив себе вилкой очередной кусок мяса. – Третий завтрак всегда очень кстати. Жалко только, что дальше – обед.

– Кажется, – Гесс ел медленно и аккуратно, чему-то все время посмеиваясь. – Нерис имела в виду нечто другое.

– Да! – не в силах отказываться, она принялась за добавку. – А хотела сказать о системе автономии на “Сове”. Если подобные биоблоки внедрить на всех дальних линиях имперского Космофлота, включая гражданский, если…

Мужчины так выразительно переглянулись, что девушка тут же затихла, почуяв неладное.

– Ребенок совсем, – пожал Рик плечами, дожевывая свой кусок. – Сплошные иллюзии и романтика. А помнишь, как мы тоже мечтали?

– Ты мечтал, – Гесс отодвинул приборы и с улыбкой воззрился на Нэрис. – меня эта болезнь настигла уже много позже. Заразная штука.

– А… Что не так? – она так и замерла с кусочком зеленого овоща, подвешенного на кончик вилки. – У меня… будут проблемы от непривычных продуктов? – с опозданием сообразила.

– О, нет! – биолог кажется даже обиделся. – Все, что здесь приготовлено, переваривается представителями всех гуманоидных рас, содержит весь комплекс жизненно…

– Живот болеть точно не будет, – перебил его Рик. – И дело не в этом. Как думаешь, моя дорогая лиглянка, – так он назвал Нэс впервые, – имперские корпорации, стоящие за производством и поставками всех элементов космической автономии, точно будут в восторге от наших идей?

– Но я думала… – девушка покраснела смутившись. – Что в Империи…

– Живут существа разумные, – капитан улыбался, ей явно любуясь. Она соглашаясь, кивнула в ответ. – А значит: алчные, беспринципные и жестокие. Ничего нового. К тому же…

Он забрал у смущенной лиглянки пустую тарелку, встряхнул ее, вернув прежний вид, и вставил обратно в гнездо термобокса. Вилку тоже отнял.

– На каждом судне тогда должен работать специально обученный штат. – Добил ее Гесс. – А это дорого, неудобно, и ненадежно, даже если ядроиды.

Да! – забрав у хозяина кабинета остатки завтрака, Аверин глазами поискал что-то у всех под ногами. – Где им взять столько Гессов? Я этого сколько лет уже не могу уговорить загнать технологии для пассажирских кораблей вип-класса. – И тут же, без перерыва он осведомился: – А кстати, где наш Горыныч?

– Ушел за тобой! – В один голос ответили Нэрис с биологом.

Аверин поморщился.

– Кажется, у нас сейчас снова начнутся опасные приключения. – Произнес он со вздохом и приложив палец к виску громко спросил: – Петрович, скажи, где теперь эта сволочь?

И почему корабельный ИскИн сразу же понял, о ком капитан его спрашивал?

– Спит в спальне вашей супруги, по центру кровати, – по громкой связи отозвался он тут же.

– И … все? – недоверчиво переспросил Макар.

– Нет, конечно! Он пролез в кают-компанию, сожрал там шахматы Стэма, потом долго лаял на Кила, потом…

– Системам жизнеобеспечения корабля урон нанесен? – капитан спросил главное.

– Только моральному климату в экипаже. Требуется ваше вмешательство, и… работа психолога.

Им показалось, или последняя фраза была сказана тоном вполне издевательским?

Макар задумчиво посмотрел на биолога, тот только руками развел.

– Хорошо, скоро мы будем в кубрике, – со вздохом вставая, Рик подал руку жене. Она уже даже успела привыкнуть к подобному жесту. – Главный вахтенный Хич?

– Он тоже страдает… – голосом замогильным ответил Петрович.

Нэрис с трудом скрыла торжествующую улыбку. Спасибо Горыныч! Кажется, ей предстоит увлекательное знакомство.

– Это те самые? – осторожно спросила.

– Да… Я говорил тебе, – согласно кивнул ей задумчивый капитан. – Шахматы с Глизы, они вырезаны из кости какого-то жуткого монстра.

– Домашнего клеозавра, – поправил его тут же Гесс. – Вы идите, я закончу кормление живности и присоединюсь. Моя вахта уже через час.

И они очень быстро ушли. Капитан явно торопился увидеть масштабы проделанной рыжей тварью работы…

***

Капитан быстро шел, с трудом заставляя себя не бежать. Это будет не вежливо. Нэс и так вдоволь наобщалась сегодня с земными его тараканами. Жирные, злобные звери, сам Макар им не рад. Но пусть она лучше узнает его и таким, чем питает иллюзии…

– Почему ты так злишься? – Нэс, словно услышав последние его мысли, на бегу догнала капитана и зачем-то коснулась рукой его пальцев. Мак перехватил ее кисть и к себе девушку притянул останавливаясь.

– На одного идиота. И это не Гесс, – поймав взгляд ее ироничный, поправился: – Хорошо, он второй. Это если Горыныча не считать.

– Хвостатый не глуп, – она вдруг улыбнулась, и к гладко выбритой щеке Аверина потянулась пальцами свободной руки.

Он заставил себя не отстраниться с огромным трудом, вдруг поймав себя на горькой мысли. В последний раз проделывать с собой такой простой жест Мак позволял только Асе. И с тех самых пор – никому. Но эта девочка делала все совершенно не так. Что-то трепетное и доверительное было в простом прикосновении к гладкой щеке.

– А вы с Гессом, – тем более, – и добавила мягко, словно к чему-то прислушиваясь. – Выдохни. Ты сейчас на себя не похож, экипаж это сразу почувствует.

Упоминание Гесса задело. В памяти все это время непрошено выступал рассказ друга о неудачной женитьбе. Восемь раз! Да Аверину с этой одной разобраться бы. Конечно же, у него не такое терпение, как у биолога. И опыта нет никакого и…

– Так и будешь упорно молчать? – чуть голову наклонила, его рассматривая внимательно.

– Знаешь… Кажется, я ревную, – Мак выдал вдруг, собственным не веря ушам. – Никогда в жизни ничего подобного не испытывал и чувствую себя форменным идиотом.

В ответ она распахнула глаза, темные, затягивающие его, словно Сумерки. И на секунду задумавшись, вдруг потянулась навстречу, краем губ прикасаясь к его подбородку. Мак замер, даже дышать перестал. А девичьи губы неловко скользнули чуть выше, она встала на цыпочки, закинула голову и обожгла робким касанием его губы. Потом замерла, словно сама испугав-

шись собственной смелости… Несколько долгих секунд они так и стояли, соприкасаясь одеждой, но не телами. Ловя прерывистое дыхание друг друга, смотря прямо в глаза.

– Шахматы… – прошептала ему прямо в губы.

– В шервову задницу всех…– сипло ответил Аверин и отпустив ее руки, ладонями осторожно обнял лицо девушки, все еще пристально вглядываясь ей в глаза. – Чтобы они себе там не почувствовали…

А потом взял и накрыл ртом её губы, как морская волна накрывает свой берег. Зная точно, что он ее ждет, что буквально иссохнет без этой живительной влаги. Пусть даже соленой.

И Нэрис ответила, жадно, совершенно не так, как в первый их поцелуй. Сладкая, мягкая, нежная. Он в нее падал с космической высоты и тут же тонул на головокружительную глубину…

Макар ощутил себя натянутым до упора харанским арбалетом. Без права на выстрел, без возможности снять болт с широкого ложа. Как же сложно жить рядом с недосягаемой женщиной, особенно после стольких месяцев вынужденного воздержания!

Сразу же после вахты потащит Гесса на спарринг в спортзал. Это его все вина, нечего было пялиться на лиглянку и заставлять ревновать капитана.

Дыхания не хватило обоим и девушка у него на плече спрятала тут же лицо, рвано вздохнув. А Макар носом потерся о ее шершавую макушку, и тихо сказал:

– А теперь можно и шахматы, – сам себе усмехнулся, ее еще крепче прижал. – Ничего не бойся, ничему не удивляйся, в круге брачного выбора ты держалась, как настоящая императрица. Вот в том же все духе и продолжай. – Дождался кивка, коснулся губами кончика тонкого уха, про себя удивляясь его прохладе и безупречной чеканности формы. – Помни: им, скорее всего, просто скучно. А тут новое развлечение: молодая жена капитана, которую взяли внезапно психологом.

– Как зверюшка в театре зверей? – спросила, к нему снова лицо понимая.

Макар не очень уверен был в точности перевода, но отчего-то кивнул.

– Это я поняла, – задумчиво проговорила, отодвигаясь, – а чего ждет от психолога мой капитан?

Мой. В размягченном мозгу капитана так неожиданно и так радостно отозвалось это короткое слово, что он улыбнулся невольно.

– Для начала отбейся. – ему остро вдруг захотелось ее удержать. Снова сдержался с огромным трудом Эта девушка – сплошное испытание для его выдержки. – Ты кажется говорила, что тоже умеешь играть? Можно и так. Постарайся поближе познакомиться с экипажем. Даже проигрывая, можно расположить к себе этих негодяев.

– Мне проигрывать? – удивилась лиглянка.

– У меня в экипаже очень сильные игроки… – в голосе капитана прозвучал снисходительный тон. – Постарайся не очень расстраиваться.

Идти ему никуда не хотелось. Точнее не так: подмывало схватить ее на руки и унести прямо в спальню. А потом… Да. Развернуться и выйти, вызвав Гесса в спортзал, для ударного направления хода мыслей обоим.

Перспектива прискорбная. Но Макар никогда от собственных планов не отступал, мог лишь маневрировать в рамках заданных им самим же погрешностей. А это значит…

– Идем! – снова взял ее за руку и развернувшись, рванул к шахте спуска на центральную палубу, – нас очень ждут шахматы, ты совершенно права.

Нэс оставалось лишь тихо посмеиваться, и ноги скоренько переставлять.

Удивительной он человек, этот Аверин. То мудрый и хладнокровный, словно могущественное божество из древних сказок, то вспыльчивый и ревнивый как будто мальчишка.

Каков он настоящий? Наверное, только время покажет… Но Нэс пока ничего не отталкивало во всем этом сложном и красочном всем калейдоскопе его острых черт. Он нравился ей абсолютно любым, вот что действительно поражало.

9. Шахи и маты

Сова. Имперский фрегат А- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

Проиграть у меня не получилось. Ни разу. Шесть партий, последние оба раза ничья.

Да, у меня были отличные учителя.

Из спален Красного круга на выходные отпускали лишь отличившихся девочек. Тех, например, кто выигрывал шахматный тур у команды мальчишек. И мотивов у наследницы обедневшего прайда было всегда предостаточно: вожделенная горстка увесистых лаков, как приз, и свобода. Там, за стальными воротами всегда ждали меня увлекательные приключения в тесной компании верных друзей.

Надо же. Все это вспоминалось теперь с легкой грустью, но безо всяких страданий. Все в прошлом. Словно память о детстве. Лигла – мое светлое детство.

А в настоящем передо мной в помещении со сложным названием стоит большой круглый стол, по стенам раскинулись гало проекции главных помещений фрегата, и вокруг напряженно сидят наблюдающие за древнейшей игрой разумного человечества.

Шахматы.

Наши предки – земляне подарили разумному человечеству не только манеру на все передряги смотреть с чувством юмора и давать собственные имена новым явлениям и предметам. Земля стала родиной большей части всех известных в галактике азартных и интеллектуальных игр. Там же родилась идея о неприкосновенности физической и генетической уникальности, вошедшая в современную Конституцию всей Империи. Земляне слыли народом веселым и неунывающим, невероятно консервативным и маниакально цепляющимся за идею собственной неповторимости человека разумного. Они даже эмбрионам своим предоставляли право выбора, запретив генетическое улучшение человека с момента зачатия. Землянин у себя на планете имел право пройти курс генетической оптимизации только лишь после полного совершеннолетия. И в результате, очень мало кто к ней прибегал, оставаясь на всю свою жизнь пусть не самыми красивыми, но совершенно определенно – абсолютно оригинальными

В команде «Совы» землян вместе с доктором, сидевшим теперь в камере для заключенных, было четверо. Плюс я, как прямой потомок колонистов с родной их планеты. И судя по лицам команды, я уже два часа как достойно удерживала эту гордую планку.

Особенно вдохновляли меня искорки невольного уважения, мелькавшие не только в глазах представителей моего экипажа, но и… Да. У самого главного здесь – капитана Аверина.

Как только я предложила мужчинам, смотревшим на меня с любопытством мальчишек сыграть одну партию в шахматы, он сразу же вырос за моей спиной. Безмолвно, и оттого еще более даже внушительно.

Решил отчего-то что я испугаюсь? В кают-компании фрегата не было тех, кого стоило мне опасаться. Эти мужчины все ощущались и остро и ярко.

Хич.

Молчаливый алианин ощущался бушующим пламенем, ревущим в накрепко закрытом каменном очаге большого, уютного дома. И стены его оставались всегда только теплыми. Очень надежен, правдив и умен, хотя и изранен. Проиграл мне партию черными, классический ферзевый гамбит. Просто недооценил противника, поздно заметив подвох. И вот уже второй час Хич молча за мной наблюдал, излучая растущее уважение. Больше подобной ошибки он точно не сделает, я спокойно доверю ему свою спину.

Яхо.

Та же ошибка, и те же эмоции. Хотя, Яхо совсем не так прост, этот член экипажа хранит от всех свою тайну. Надо будет Макару об этом сказать. Яхо носит чужую маску, давно и надежно приросшую, но нотки боли вполне ощутимы. При виде меня он болезненно замер, выдавливая улыбку и пряча глаза. Я напомнила ему кого-то и того самого прошлого, о котором бортинженер позабыть так упорно пытается? Нужно будет подумать и поговорить. Проиграл мне партию белыми, не сумев разменять грамотно вариант Дракона в дебюте. Снова сыграла мне на руку внешность. И восхищенный вздох Рика за моей спиной.

Игореша садился за доску, поглядывая на капитана с опаской…

Этот непризнанный гений мне сдался на тридцать втором ходу. Он играл белыми, и не смог просто поверить в тот факт, что сидящая перед ним большеглазая лысая девушка разыграла классическую сицилианскую защиту. Сколько тысяч уже лет этой игре? Все лучшие комбинации на шестидесяти четырех клетках давным-давно сыграны, а вкус победы все так же пьянит. Как и горек вкус шахматного поражения…

Время летело, игроки за доской быстро сменяли друг друга, а я наслаждалась привычным процессом. Как это было давно…

Обе ничьи вполне ожидаемо стали итогом партий с биологом и старшим помощником Стэмом.

У меня было чувство, что Гесс пожалел репутацию «новой звезды экипажных турниров» в конце нашей партии мне откровенно поддавшись. Уж больно ошибка была для него нетипична, такие как он ради сохранения пешки вряд ли жертвуют главной фигурой. Потом с ним сыграем еще, непременно…

А вот Стэм ощущался закрытым и весьма осторожным человеком. Он единственный из всех участников нашего импровизированного турнира мучительно волновался о результате. Суровый и сильный мужчина боялся мне проиграть и поэтому делал ошибки. Пришлось ему подыграть. Не стоит ронять авторитет заместителя капитана в глазах остальных, в этом он прав. Я пожертвовала бы ему партию, если бы только смогла, но он сам предложил нам ничью.

Пожал руку, медленно встал и ушел не оглядываясь, напомнив всем о скорой смене вахтенных…

– Она же мухлюет! – вдруг раздался высокий, мальчишеский голос. Родик. Партия с ним заняла у меня всего десять минут, я давно уже не побеждала так убедительно. Классический «мат дурака»: три хода и черные побеждают.

– Вы что, все ослепли? Капитан ей подсказывает! Конечно, по личной связи. А вы все уши развели, как полнейшие идиоты, и верите!

За моей спиной тут же сгустилась свирепая туча. Не оборачиваясь, я откинулась на Макара, прикоснулась пальцами к окаменевшему колену и улыбнулась им всем.

– Да, действительно у меня есть серьезное преимущество перед всеми противниками – главное не показать им и тени страха. – Нет, у меня и капитана нет чип-связи. В моем случае вживление любых электронных носителей исключено.

– А как тогда? – все еще из-за спины прозвучало.

– Родий, вышел вперед, встал перед психологом и спрашивать по уставу! – рыкнул мой капитан, явно с трудом справляясь с эмоциями.

– Я просто вас чувствую, – быстро ответила, не дожидаясь демонстрации владения имперским уставом. – Это отлично подсказывает.

– Светлых мыслей, психолог Аверина. Разрешите задать свой вопрос? – Родик все-таки выполз из-за спины и насупившись, возвышался теперь над моей головой.

Молча кивнула.

– А мысли вы тоже читаете? – под мрачным взглядом Аверина он как-то даже весь сжался.

– Можете обращаться ко мне просто по имени, Нэрис. И нет, пока нет.

– Капитан Аверин, разреши обратиться? —прямо-таки издевательским голосом прозвучала реплика незримо присутствующего Петровича. – Кажется, твоя очередь сесть за одну доску с психологом. С момента начала всей экспедиции ты не проиграл еще никому и ни разу…

– Нет! – быстро ответили мы, хорошо прозвучавшим дуэтом. Слаженно так голоса наложились, красиво.

– Эту партию мы сыграем в другой обстановке, – рыкнул Рик, – и без свидетелей.

– Боишься ей проиграть? – придушила бы я Петровича.

– Опасаюсь оставить фрегат без ИскИна. – Снова рыкнул в ответ капитан.

– Партии молодоженов играются только на приз – зачем-то я ляпнула полную глупость, за спиной ощущая вдруг подпрыгнувшее сердце Макара.

– Так, капитан… – прозвучал за спиной голос Яхо. – А к кому обращаться за успокоительным? Док арестован, а нам все труднее… смотреть. Да и слушать.

– Никаких больше медикаментов, – улыбнулся ехидно Аверин. – Всех желающих успокоиться жду в спортзале. Тому, кто уложит меня на лопатки, я лично выпишу… успокоительное. Самое лучшее и эффективное. Без побочки.

Громкий вздох был ему ясным ответом…

Возвращение в апартаменты заняло времени куда меньше, чем выход из них. Короткий шурф лифта и мы уже перед входом, Рик осторожно, но очень настойчиво подтолкнул меня строго вперед и с тихим шипением двери за нами закрылись.

– Ты же понимаешь, что играешь с огнем? – прозвучало рычание сзади.

– Назови свою ставку в игре, – я его не боялась совсем.

Напротив. Те новые чувства, что он так боялся обрушить на мою бедную голову притягивали, завораживали, манили.

– Если ты проиграешь, то с этого дня каждый вечер принимаешь душ вместе со мной. – И еще уточнил, отсекая пути к отступлению: – Абсолютно раздетой.

Ого… Ничего себе искушение. Сразу же расхотелось выигрывать.

– А если ты проиграешь, то с этого дня спишь в своей каюте.

Подмывало добавить: «один», но я почему-то не стала. И Рик очень чутко поймал эту паузу, усмехнувшись лукаво. Вот такие они, эти интеллектуальные игры.

– У меня вахта, вернусь к ужину, не скучай. – Он вдруг резко меня притянул, носом уткнувшись в затылок, и вдохнул глубоко. – Постарайся пока не особенно выходить из каюты, мне почему-то тревожно.

– Я…

– Боув! – раздалось звучное. Наш чуткий сторож проснулся и виновато помахивая хвостом потягивался у порога.

– Горыныча оставляю тебе – тут же нашелся Макар и коротко поцеловав меня в шею, сбежал.

– Ну здравствуй, обжора. Что успел натворить?

– Вауф!

Ясно. Надеюсь, каюта еще не разрушена.

10. Тайны прайда Рейн

Сова. Имперский фрегат А- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

Обычная вахта. Поверки систем. Штатный опрос главного двигателя, проверка технической чистоты на всех палубах. В разгар трудового порыва Макар даже выволок пару ядроидов для осмотра всех дронов и лукса. Он методично и очень внимательно прошерстил весь арсенал, от личных плазеров до мегапушек, придрался даже к чистоте личной посуды на камбузе, влез в каждый каютный гальюн. К концу своего боевого дежурства капитан заслужил полное право сидеть в своем кресле, висящем над полом в центральном и лениво поглядывать на гало-мониторы.

Еще ножкой подрыгивать медленно. Команда притихла, сосредоточенно «устраняя полученные замечания» и мрачно отчитываясь о «работе проделанной по устранению». Красота. Много было свободного времени у команды, вот и взялись дурить. Зубки показывают они капитану, психолог им нужен… У Макара давно отработана своя, личная схема лечения самых острых психических заболеваний: три наряда вне очереди и подробный отчет.

Сам так всю жизнь он справлялся с депрессиями. Спортзал, вахта и служба. Сон по четыре часа через восемь. И отлично работало. Даже после той переделки на гиблом Майране у него не было времени на психолога. А кстати… Мысли капитана быстренько пробежали по темным болотом тягостных воспоминаний, и сделали круг. Их официальный брак с Нэрис отправлен для регистрации в Метрополию еще в первый же день выхода на большую орбиту системы. Подтверждение будет получено через декаду, эта форма неизменна уже почти тысячу лет. В этом он не сомневался: никаких ограничений по бракам с колонией не было. Но вот генетической карты лиглянки капитан еще даже не видел. Не до этого все как-то было.

– Петрович… Яви свое ясное лико – лениво придав импульс креслу Макар двинулся к главному пульту.

ИскИн выдержал паузу. Он всегда делал так, если считал себя чем-то обиженным. Но потом развернул главное изображение гало-проекции прямо перед Макаром и «явил». В этот раз он предстал в виде… камня. Чем, строго говоря, он и был.

– Все вредничаешь, – констатировал капитан.

– Светлых мыслей, Аверин, – блеснув целым снопом ярких искр по поверхности радужного кристалла ответил Петрович. – Чем могу быть полезен?

– Пришел ли ответ на запрос по досье на Нэрис Аверину-Рейн? – стараясь не выдать волнение голосом тихо спросил капитан. – Я имею в виду полный и официальный, включая ген. Карту, как я и просил.

Снова пауза. Хочется взять молот из инструментария и…

– Да, конечно. Четыре имперских часа тому как.

– Почему мне не доложил? – даже Аверинскому терпению иногда наступает конец.

– А вы были заняты – как ни в чем ни бывало ответит Петрович. Отправляю на видер, знакомьтесь. И кстати…

Потянул было руку к прозрачной пластине Макар сразу замер. Не понравилось ему это «кстати».

– Там ваша супруга рыдает у зеркала в душе каюты. Часа полтора уже как.

Макар был готов расколотить эту наглую хоть и прозрачную рожу, но снова сдержался.

– Я запретил включать наблюдение в ее каюте, или ты снова оглох? – прорычал низко он, нажимая на сектор быстро вызова смены вахты. – И если следил, почему не докладывал сразу?

Бесполезное это занятие, спорить с дефектным ИскИном. Проще его заменить. Видимо эта мысль так отчетливо отразилась на капитанском лице, что Петрович ответил по форме:

– Докладываю: наблюдение Нэрис Аверина подключила самостоятельно, включившись в систему Центрального. Затем наладила зеркало в санузле и взглянув в него впала в депрессию, в которой и пребывает вот уже один час и десять багарских минут. Доложить вам времени не было.

Макар понятия не имел сколько минут в этом шервовом багарском часе, и даже не мог гарантировать, что подобные не были плодом изощренных фантазий Петровича, но новость его невероятно встревожила. Что могло зеркало показать бедной девушке? Может быть, что-то не так с этим… как его… Зеро? Корни пустила налево, листьев не выбросило?

Минуту спустя Макара сменил еще заспанный Яхо. И ног не чувствуя под собой от волнения Аверин влетел в свои апартаменты, сразу услышав громогласный Горынычев вой.

Несколько быстрых шагов и открылась картина: на сложенной максимально узкой кровати сидели обнявшись два горько рыдающих существа. Нэрис плакала тихо. Только опухшие веки и нос, да блестящие слезы на красных щеках выдавали ее настроение А вот Горыныч дал волю эмоциям и не стесняясь их, громко выл.

– Что. Тут. Происходит?

Громко спросил капитан.

Нэрис трагически-медленно повернулась к мужчине, и едва слышно ответила:

– Посмотри на меня. Мои волосы отросли....

***

– Для тебя это что-то меняет? – он ведь даже не понял. Как никогда прежде я ощущала себя чужеродной инопланетянкой.

– Все! – ему я ответила. – Мне кажется, я теперь знаю, что такое смерть. Час назад я умерла.

Пафосно прозвучало. Но именно так я и чувствовала.

– Прости, но я не заметил в тебе перемен. Трупных пятен там… запаха. Может расскажешь?

Он обошел меня осторожно и сел прямо на стол. Явно показывая – уходить никуда не намерен.

– Да посмотри же на меня! – как можно было вообще не заметить такого?

– Глаз не свожу, между прочим. Почему ты так нервничаешь?

Он действительно взгляда с меня не сводил. И было в нем нечто такое… Мягкое, как теплый плед. Обволакивающее. Нежность?

Наверное, все-таки жалость.

– Волосы! – я провела рукой по макушке, зарастающей отвратительной светлой шерстью.

– Да. Знаешь ли, в цивилизованном мире женщины их с удовольствием носят. Это красиво, практично, женственно и возбуждает мужчин, уж прости за откровенность. Я попрошу…

– Макар, это белые волосы! – мой голос сорвался на крик.

– Блондинки мне всегда очень нравились! – его голос тоже внезапно охрип. Наверное, от отвращения.

Он издевается?! Как можно так говорить о подобном?

– Так! – на меня глядя, Макар вдруг напрягся. – Что-то мне подсказывает, что дело не просто в веселой расцветочке. Я ведь прав? Это всего лишь цвет волос, Солнц. Простое биологическое многообразие.

– Это позор.

Я закрыла глаза, резко выдохнув. – Мои родители… скорее всего моя мать, не были высокородными ханитами. Я – подкидыш!

Самое страшное признание в моей жизни.

А он… сидел напротив меня и смеялся!

– Послушай, – с трудом сдержав смех, Макар сделал серьезное лицо. – Я перед тобой очень виноват. Мне нужно было детально разобраться во всех этих ваших расовых предрассудках. И тебе объяснить кое-что, очень важное.

Я сидела, глядя куда-то в пространство каюты и с трудом заставляла себя его слушать.

– Для начала пойми: твой мир остался далеко позади. И все, что ты знала об Империи, и населяющих ее людях… скажем так, правда только отчасти. Очень сильно фильтрованная в своих собственных целях малюсенькая такая правдочка.

До меня слова его медленно начали доходить. Как будто издалека, с трудом продираясь сквозь клетку сознания.

Он поклялся не лгать и говорил сейчас правду. Я это чувствовала и знала.

– Ты теперь можешь убить меня, – эти слова тоже были очень горькой, но правдой.

Капитан сложил на груди руки и произнес очень серьезно:

– Человек, наделенный тем, что вы называете разумом и душой, защищен законами Империи. Никто не имеет права просто взять и убить его. И нет разницы в цвете волос или глаз. Всю жизнь тебе лгали.

Эти слова прозвучали как гром. А еще, – он разозлился. Передо мной вдруг оказался не насмешливый и доброжелательный собеседник, а капитан корабля, имперский инспектор и очень опасный мужчина, практический хищник, за какую-то долю секунды пришедший в состояние ужасающей, безмолвной ярости.

Понял, наверное, наконец, кто я такая. Его обманули, подсунув меня и заставив пройти жесткий отбор.

Я отшатнулась, но он удержал. Снова взгляд мне в лицо, и инспектор смягчился.

– Ты мне не веришь… – устало лишь констатировал. – Плохо. Не думал, что все так серьезно.

Он встал, снял верхнюю часть форменной робы, и двинулся почему-то к спальной стене. Молча коснулся панели, выдвинул спальное место на максимальную ширину, и не раздеваясь упал, похлопав по простыням рядом ладонью.

– Я снова буду спать здесь, – произнес, как само собой разумеющееся. – И это не обсуждается.

– А я? – судорожно спросила.

– А ты, как полноправная супруга имперского капитана, – под моим сонным боком. И не пугайся опять, постараюсь не домогаться. В таком состоянии я одну тебя не оставлю. Иди сюда и ложись.

Ничего уже не понимая, несчастная я послушно последовала его практически-приказу. Легла осторожно с самого краю, стараясь не оскорблять его прикосновениями.

Макар снова вздохнул, обнимая и плотно ко мне придвигаясь.

– Глупая девочка. Какая же ты еще маленькая.

Ладонью провел по короткому ежику светлых волос и добавил: – Настоящее Солнышко. Твои волосы цветом очень похожи на мою родную звезду. Желтый карлик. Надо же… все, как я и хотел. Спи, украденное мое солнышко. Завтра опять день тяжелый.

11. И вся королевская рать

Сова. Имперский фрегат A- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

Как ни странно, но заснула она очень быстро. Свернулась комочком под боком Аверина, словно заплаканный маленький ребенок. Вздрагивала во сне, тихо и горько постанывала. Макар осторожно гладил ее по шершавой макушке, разглядывал причину слез этой девочки и мечтательно улыбался. Солнечная блондинка, надо же… Этот оттенок волос не был похож на блеклые волосы первых жителей Лиглы. Что-то неуловимо знакомое.

Вдруг вспомнил о том, что в суматохе так и не прочитал досье Нэрис, сброшенное на видер. Бесшумно выскользнул из постели, взял его в руки. Вернулся, освободил свое спальное место от обнаглевшего совершенно Горыныча, лег рядом и начал читать.

Пробежав глазами главную информацию, уже спустя пару минут капитан и имперский инспектор Аверин прикрыл руками лицо и бесшумно смеялся.

Ему стоило прочесть это раньше. Хотя бы вчера. И… Что тогда?

Открыть глаза Нэрис, ей сразу же все рассказав?

«Дорогая, представь себе, твоя матушка, бросившая тебя и трусливо сбежавшая, – наследная королева и единоличная правительнице мира Зигейны. Так получилось. Ах, да! Три года назад я чуть было не стал ее официальным супругом. Не по собственной воле, конечно. Но вылез в окно и сбежал.»

Или даже не так: «Солнышко, поздравляю! Ты дочь королевы, которая, правда, от вас отказалась. А жаль, симпатичная женщина, только уж больно заносчивая и своевольная. Восемь раз она замужем, как и положено королеве. Но ты не волнуйся, я в число этих счастливцев уже не вхожу!»

Насмешка Создателя, не иначе. Сколько в этой галактике жителей? Триллионы? Нет, Макар умудрился из всех выбрать единственную и неповторимую, дочь той королевы, что люто его ненавидит. Которой он отказал, глубоко оскорбив. Как там в древних земных традициях называли подобных родственниц?

Теща? Правительница одного из самых высокоразвитых миров, гордо отстоявших свою полную независимость от Империи, теперь его теща. Прекрасно.

Макар перевел взгляд на Нэрис, вздрогнувшую снова во сне. А она ведь похожа… Когда волосы отрастут, будет такая же роскошная шевелюра, как у Агаты. Только черты лица будто прозрачнее. Словно какой-то художник взял свою мягкую кисть и парой-тройкой точных мазков придал жестким чертам зигеянки неуловимую женскую прелесть.

Как же все странно… С самой первой минуты Нэрис, при всей ее юности и ранимости, была куда ближе ему. Как так сложилось? Какими же злыми ветрами юную наследницу трона всего мира Зигейны когда-то забросило в забытую всеми мирами колонию, да еще сразу замуж за мелкого феодала?

А ведь девочка до недавнего времени была твердо уверена в ее смерти. И как ее брат связь поддерживал с той, что от них отказалась? Вопросы, вопросы… Одно стало понятно теперь капитану: в ближайшее время им стоило тщательно избегать любой встречи с суровой мамашей.

Очень трудно назвать позитивным опыт их последнего общения. Только он знал и помнил, чего ему стоил побег из тюрьмы дипломатического представительства Зигейны. Живо-

писные заплатки на его крепкой заднице, наложенные на место ранений служили отличным напоминанием о внезапной любви королевы. Не хотелось бы повторять этот опыт.

Но что сказать Солнышку? Шервовы жабры! Как только у них начинало хоть капельку что-то налаживаться, так тут же являлась какая-то тварь, и грозилась отнять у него эту теплую звездочку. Мак тут же представил себе мрачное лицо королевы Агаты. Она просто даже из вредности это сделает!

Три года назад Макар отказал ей в интимном свидании, равном помолвке. На глазах у весьма представительной делегации он сделал это прилюдно и преднамеренно. И получил приговор, обжалованию не подлежащий. А теперь вдруг женился на единственной дочери королевы. Кто может поверить в случайность?

Он сам в нее верит с трудом.

– Твоя злость светится синим, – сонно пробормотала малышка. – Красивый какой цвет. А растерянность – серая. Словно горный туман.

Еще одно острое их с Агатой различие: в дочери не было никакого кокетства и масок она не носила. Такая, как есть.

Макар перевел взгляд на жену и тут только заметил, что ее пижамный комбинезон расстегнулся, соблазнительно обнажив практически до ареолы соска полусферу груди. Глаз не смог отвести, как ни старался. – Фиолетовый, – шире глаза распахнула, неверяще глядя на мужа. – Но ведь это…

– Т-ш-ш… – самым кончиком пальцев прикоснулся к девичьим ярким губам, все еще припухшим от слез. – Об этом вслух люди не говорят. Это чувствуют.

– Но я… – она судорожно сглотнула, все еще не сводя взгляд с Аверина.

– Ты самая красивая девушка из всех, кого я когда-либо видел и знал. Красоту видят сердцем.

Его пальцы скользнули на подбородок, легко пробежались по скуле, погладили шею. Нэрис прикрыла глаза, отдаваясь таким острым чувствам. Думать ни о чем не хотелось.

– Я люблю тебя.

Тихо сказал и почувствовал откровение этой правды. Острое, как запах свежей крови. Чистое, как вода в горных ледниках его родины. Настоящее. С ним впервые такое. То, что чувствовал рядом с Асей тогда еще робкий и совсем еще мальчик Аверина тоже было обманом.

Наверное, ему стоило вспомнить ту самую королеву и их всех сравнить, чтобы понять себя окончательно. Чтобы открылись глаза. И врать не было больше причин.

– Алый.

Она отчего-то зажмурилась. А потом так и вовсе уткнулась лицом в руку Аверина.

Молча.

Он замер, не зная, что ей сказать и как быть. Щемящая тишина. Нельзя промолчать, нельзя малодушно солгать. Непозволительная роскошь для них. Для обоих.

– Чувствую себя идиотом, рискнувшим пройти модную нынче на Тиамате процедуру полипигментации, – зачем-то попытался пошутить. Получилось не очень.

– У каждого человека свой внутренний спектр, – вздохнув, Нэрис подала тихо голос. – Те личные рамки, в которых разумные существа способны чувствовать, мыслить. Для кого-то возможны лишь только оттенки. Для очень немногих – комплект ярких цветов. – Отняла наконец лицо от горячей ладони и взглянула в глаза капитана, так пристально, словно пыталась в них что-то прочесть. – У тебя их очень много. Ярких и тусклых, темных, как ночь, и фосфоресцирующих, как фонарики в темноте. Ты удивительный, Рик. Такой разный… Я слушаю тебя и боюсь проснуться однажды в своей холодной постели посреди гулкого каменного замка, одна. И понять, что все это был просто сон.

– Ох, солнышко, – от подобных слов Мак растерялся. И как ему быть с ней? Он ощущал себя проходимцем, которому совершенно случайно упал в руки чистый кристалл белого вита-

лита, стоимостью в сотни тысяч годовых бюджетов развитых техногенных миров. – Я редкий засранец, поверь. Убивал многократно, видел смерть близких, научился смотреть очень просто на многое. Не разочаруйся, малыш.

Она только лишь улыбнулась кивнув.

– Я тебя вижу насквозь, – сказала и губами к нему потянулась.

Пару секунд Мак не веря смотрел на нее, потом словно очнулся и одним мощным движением сгреб девушку к себе на грудь, обнимая.

– Я клятвенно обещал тебе не домогаться, что скажет жена на такое беспечное отношение к обещаниям капитана? – тихо смеясь, он легонько касался губами ее подбородка, подбираясь все ближе ко рту.

– Она нас поймет, – сладко зажмурившись, промурлыкала Нэрис. – У нее впереди еще партия в шахматы, между прочим. Некогда отвлекаться на всякие глупости.

Осторожное прикосновение ртов. Этот его поцелуй снова не был похож на все прежнее. Рик словно дразнил ее, заставляя нетерпеливо ответить. Хотелось схватить его за грудки и встряхнуть, а потом крепко к кровати прижать и впиться в смешливый рот капитана губами. Не успела.

Ощутила ладонь на затылке, пальцы второй руки на бедре и Рик впился в губы, как будто пустынник к источнику чистой воды.

Восхитительное ощущение. Ее пили, и не могли вдоволь напиться. Нэрис чувствовала, как растворяется в муже, как мир вокруг них теряет свои очертания. И даже мужская рука, торопливо расстегивающая комбинезон, совершенно ее не смущала. Все это правильно. Одежда все больше мешала, хотелось все снять поскорей и прильнуть к нему голой чувствительной кожей. Дыхание иссякло, и с болезненной, острой тоской они оторвались друг от друга. Рик тихо рыкнул, уткнувшись в ее плечо лбом, и в этом трогательном жесте было столько доверия, что Нэс улыбнулась. Голый череп Аверина уже покрывался жесткими темными волосками. Она нежно провела по ним пальцами, погладила мускулистую, мощную шею.

– Что-то случилось? – коснулась губами мужского виска. – Ты словно гаснешь.

– Да, солнышко. Да. – окончательно взяв себя в руки, капитан резко выпрямился, и добавил:

– Твоя мама нашлась. Жива и благополучна вполне. – Взглянул в распахнувшиеся глаза девушки и сказал: – Но есть и не очень хорошие новости…

12. Понимание

Сова. Имперский фрегат А- IIV класса. Периферия планетарной системы α Кассиопеи – Шедара, в созвездии Кассиопеи.

Не зря шахматная доска в капитанской библиотеке слыла предметом личной гордости не лично только Аверина, но и всего экипажа Совы. Фигурки, на ее клеточной горизонтали ведущие свои сложный бой, были вырезаны из полудрагоценных земных камней. Огромная ценность и редкость. Тонкая работа мастера. Макар что-то тихо об этом рассказывал, но ошеломленная свалившимися на ее бедную голову новостями, Нэрис тут же все и забыла.

Рик буквально насильно ее накормил, а теперь сидевшая за уютным библиотечным столом бедная Нэс пыталась сосредоточиться, дрожащими тонкими пальчиками цепляясь за тяжелые молочно-белые шахматные фигуры. Играла отчаянно, делая непростительные ошибки и этого не замечала.

Макар не торопил ее. Он вывел на дверь библиотеки галопррекцию рубки центрального, и краем глаза поглядывал на штатную подготовку к выходу в орбитальную сеть. Молча.

– Знаешь… – невидящим взглядом окидывая свое бедственное шахматное положение, произнесла девушка наконец. – Я все это время кое-что все же пытаюсь понять. И… никак.

Аверин молча накрыл ее руку ладонью, не сводя глаз с лица Нэрис.

– Ты невероятная, – так же тихо ответил. Словно боясь тембром низкого голоса испугать ее еще больше. – В мирах, живущих по законам Империи я не встречал ещё женщин, способных так мужественно это вынести.

Он душой не кривил совершенно.

Право на гендерную уникальность было одним из основ всех законов Великой Империи. Человечество заигралось в свободу генетических изменений гуманоидных рас. Уроки и выводы красовались теперь нерушимыми заповедями на каменных скрижалях ворот Конституции. Свобода родиться и жить уникальным. Изменяться лишь по жизненно-важным причинам. Прав на вмешательство в генетический код человека разумного не имел больше никто.

Женщина осталась женщиной. Сильной своей слабостью, пластичной, универсальной и эмоциональной. На мягком кресле перед ним сидела и нервно гладила шахматного коня настоящая женщина. Слезы глотала, кусала припухшие губы, но не отступала.

– Знаешь…– она тихо продолжила, – я могла бы все это понять. И то, что она тогда бросила нас. После гибели сыновей она была просто не в силах оставаться в том мире, где все ей чужие. И даже то, что от нас юридически отказалась, заставив всех эти годы страдать, сочтя ее погибшей. В минуты отчаянья это случается. Могу предположить что она не особенно даже любила отца. Хотя… девять детей.

– Как ты понимаешь, я сделал запрос в свой департамент внешней имперской разведки… – выдержав ее испуганный взгляд, мягко пояснил: – Солнышко, все командиры инспекционных экспедиций – офицеры внешней разведки, это же очевидно.

Нэрис молча кивнула, снова слезы сглотнув. Опять испугалась?

– Так вот. То, что ты прочитала – абсолютно закрытая информация. Официальная лишь гласит, что двадцатилетняя принцесса когда-то отправилась в биологическую экспедицию, случайно попав в отдаленнейший сектор вселенной. По закону романтического жанра она была схвачена представителями местного дикого культа, и провела там много лет. А потом резко нашлась.

– Двадцать пять лет, – уточнила зачем-то. Они были женаты. Отец нашел ее в наших горах, прилетел по сигналу о помощи и обнаружил раненую монахиню в диком лесу. Так нам рассказывали.

– Погоди… у нее тоже Зеро? Ты мне не говорила.

– Она была темноволосой! – взрыднула зачем-то вдруг Нэрис.

Макар усмехнулся, взглянув на нее, как на ребенка.

– Солнышко… ее мир абсолютный и неоспоримый лидер в секторе развития биотехнологий. Они даже предпочли принятию строгих законов Империи постоянную оборону от всех пиратов Вселенной, а это значит, – содержание современного флота и армии. Как думаешь, сложно ли ей поменять цвет волос? Да хоть в красную клеточку!

Снова всхлипнула, ощутив себя и наивной и глупой.

– Никакой информации о пребывании в колонии Лигла, муже и детях, в официальных источниках нет.

– Я не об этом… – коня на доску Нэс поставила наконец и перевела взгляд на мужа. – если Кирейн знает об этом, то и она? Она бросила старшего сына таким, понимаешь? Со всеми ее технологиями. Любимого сына оставила гнить жалким обрубком в горах!

– Солнышко… все может быть совершенно не так. – вот уж не думал Макар, что ему придется защищать злобную фурию-тещу от Нэрис.

Тем более, что ему категорически не понравилось воспоминание о разговоре с Кирейном. Уж больно ретиво тот настаивал на отправке сестрицы в Барейн. А там и до Зигейны парсек, если не меньше. Но эти мысли сегодня могли малышку просто сломать. Он их завтра подумает.

– Пока братец твой сладко спит, ты ничего не узнаешь. Может, это он все раскопал, а Агата не в курсе? Кстати… а тебя совсем не задела история нашего с ней знакомства?

Девушка удивилась.

– У нас говорят, что узлы судеб плетутся не пальцами и развязываются не зубами, – взглянув на озадаченное лицо мужа она улыбнулась печально. – Даже думать не буду на этими совпадениями. Зато, я хорошо теперь понимаю, как так получилось, что ты мне с первого взгляда понравился. У нас с ней всегда были схожие вкусы. Так папа рассказывал.

Аверин отчетливо вспомнил оскал черной рожи скафандра и в очередной раз решил, что о вкусах не спорят. Особенно, – с женщинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.